

Микаэль Катц Крефельд

СЕКТА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Michael Katz Krefeld

SEKTEN

Copyright © 2015 Michael Katz Krefeld & Lindhardt
og Ringhof Forlag All rights reserved Published by
agreement with Salomonsson Agency

Перевод с датского Инны Стребловой

Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

Крефельд М. К.

Секта : роман / Микаэль Катц
Крефельд ; пер. с дат. И. Стребловой.
— СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус,
2017. (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-13649-6

16+

Фердинанд Месмер, известный бизнесмен из Копенгагена, обращается к частному детективу Томасу Раунсхольту, чтобы тот нашел его сына Якоба. Десять лет назад Якоб порвал все связи с семьей и основал секту «Избранников Божиих». С тех пор о его жизни и жизни его общины ничего, кроме темных слухов, не известно. Как вскоре начинает понимать Томас, «Избранники Божии» — это закрытый и жестко организованный мир, в котором действуют поистине дьявольские правила и проникновение в который может быть смертельно опасным... Роман «Секта» — третья книга в популярном сериале о Вороне — бывшем полицейском, которому, кроме прочего, приходится сражаться и с собственными демонами и кошмарами. Книга стала международным бестселлером, в который раз утвердив место Крефельда среди звезд мирового детектива.

Впервые на русском языке!

© И. Стреблова, перевод, 2017

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Если я пойду и долиною
смертной тени,
не убоюсь зла,
потому что Ты со мной;
Твой жезл и Твой посох —
они успокаивают меня.

Псалом 22: 4

*Свету моей жизни,
моей вечно любимой Лис*

1

Он взглянул на сына, который сидел рядом с ним спиной к окну, за столом. Стоял октябрь, и сад за широким окном утопал в сгустившихся сумерках. На фоне неба чернели силуэты низкорослых фруктовых деревьев. Мальчик, которому едва пошел седьмой год, зажав в кулачке вилку, елозил ею по тарелке, стараясь подцепить ломтик жареной картошки. В другой руке он держал голубую машинку с облупившимся радиатором. Глядя на сына, отец узнавал в нем собственные черты: тот же нос, те же опущенные уголки губ,

те же близко посаженные глаза, которые придавали им обоим вечно задумчивое выражение. Он погладил сына по голове, и ребенок с видимым удовольствием принимал его ласку. Круглые щечки и веснушки — это у него от матери. Она хлопотала у плиты, доставая картошку из фритюрницы и раскладывая ее рядом с глянцевыми от масла шницелями, уже выложенными из фритюрницы на тарелки.

— Положить тебе горошка? — спросила она, не оборачиваясь.

— Пожалуйста, только немножко.

Он взял со стола салфетку и расстелил ее у себя на коленях, прикрыв темные брюки. Вернувшись со службы, он сел за стол не переодеваясь, оставшись в костюме и

голубой рубашке, и только сменил обувь на разношенные, удобные шлепанцы из верблюжьей шерсти.

— Ну а ты? Разве ты не хотел горошка?

Мальчик энергично замотал головой.

— Почему? Ты ведь всегда любил горошек?

Мальчик кивнул и заговорил с набитым ртом: — Ну да. Только горошины очень уж скользкие.

— Нельзя разговаривать с набитым ртом.

Он взглянул на жену, которая подала ему тарелку и, поставив на стол свою, села рядом. Она взяла кетчуп, чтобы приправить соусом картошку и шницель. Мешки под глазами и потрескавшиеся руки

портили ее, она казалась гораздо старше своих тридцати двух лет. Когда они познакомились, она пленила его улыбкой, которая теперь так редко появлялась на ее лице. Странно — казалось бы, сидит дома, на работу не ходит; непонятно, откуда такой усталый вид? Он налил ей фруктовой воды из кувшина. Она кивком его поблагодарила.

Сын отложил вилку и, судя по всему, был больше поглощен машинкой, чем едой: он катал автомобильчик по узорчатой скатерти, бибикая и изображая голосом гудение мотора, постепенно прибавляя скорость; потом замолчал и, громко зевая, обогнул машинкой бокал с фруктовой водой.

— Нельзя играть за едой, — сказала

мать.

— Ладно, оставь его.

Он поймал ее удивленный взгляд. Понятно, как же ей не удивляться! Ведь обычно он строго следил за соблюдением правил, включая и поведение за столом.

— Попей фруктовой воды, — с улыбкой обратился он к сыну, и тот поспешил осушить свой бокал.

— Ну как у тебя прошел день? — спросила жена.

— Спасибо, превосходно.

— Что-нибудь особенное?

— Да нет, ничего такого. Все — как всегда.

— Совсем ничего? — продолжала она настойчиво.

Он отложил прибор, снял с коленей салфетку и тщательно вытер уголки

губ.

— Пожалуйста, пойми меня правильно. Я очень ценю, что ты интересуешься, как идут дела у меня на работе, но если бы я начал подробно рассказывать тебе обо всем, чем мне пришлось заниматься сегодня, или вчера, или в любой другой день, ты мало что из этого поняла бы. Поэтому разговоры на эту тему не имеют смысла.

Она заморгала и проглотила, не дожевав, кусок, который только что взяла в рот, невольно издав полупридушенный звук.

— Я же... Я же только, чтобы поговорить... Можно о чем-нибудь другом.

— Я это понял. Первое, что ты сказала. Но не лучше ли нам

помолчать?

Женщина ничего не ответила, но заторопилась с едой, как будто спешила уничтожить все, что было на тарелке, чтобы поскорее покончить с обедом. И хотя она поглощала пищу как-то уж очень некрасиво, сегодня он решил воздержаться от замечаний. Он снова принялся за еду, обратив взгляд на сад за панорамным окном. Он всматривался в плодовые деревья, которые, казалось, тоже пристально глядели на него. Они словно бросали ему обвинение. В саду было тихо, ни ветерка, но ему чудилось, что деревья шевелятся и, глядя на него, качают головами. Он встал, чтобы задернуть занавески, и вдруг за спиной что-то загремело. Это у жены из рук вывалились нож и вилка и со звоном

упали на тарелку. Она покачнулась на стуле и, тяжело дыша, схватилась за голову. Ее шея задергалась, словно женщина пыталась что-то сглотнуть. Неверным движением она потянулась к бокалу, и тот опрокинулся. Содержимое растеклось по скатерти темным пятном.

— Из... вини... — выдавила она, запинаясь.

Стараясь держать голову прямо, она перевела взгляд на сына. Мальчик лежал, безжизненно уронив голову на стол, его пальцы все еще сжимали в кулачке голубую машинку.

С невнятным восклицанием женщина посмотрела на мужа. Он спокойно выдержал ее взгляд, не переставая жевать.

— Ничего страшного. Иди и ложись

спать.

Она так удивилась, что воззрилась на него с раскрытым ртом. Ее взгляд упал на его нетронутый бокал с соком.

— Что такое... Что такое ты сделал?

— Пошатнувшись, она взмахнула рукой, стараясь удержаться, но не смогла и, как мешок, сползла со стула и осталась лежать на линолеуме.

Он перегнулся через край, чтобы посмотреть, что делается на полу, и пожевал губами, разглядывая жену. Она лежала с вытянутой рукой, напоминая пловчиху во время заплыва, хотя его жена никогда не занималась спортом да и, как человек, выросший в деревне, вообще вряд ли умела плавать.

Покончив с обедом, он встал и

подошел к широкому окну. Несмотря на то что облетевшие деревья утонули во мраке, он все же задернул длинные занавески. Убрав со стола, он выбросил недоеденные остатки в ведро для отходов. С его собственной тарелки скатилось несколько забытых горошин, и он нагнулся, чтобы собрать их с пола. Сын был прав: горошек очень неудобная штука и с горошинами трудно управиться. Он пожалел, что им довелось так мало времени провести вместе. Но время истекло. Он сунул грязную посуду в моечную машину и включил огонь под фритюрницей на полную мощность. Затем вернулся к столу и взял на руки мальчика. Ребенок недовольно застонал, но не пришел в сознание — он находился под

действием морфина. С ребенком на руках он вышел из кухни и понес его через длинную гостиную в спальню. Сначала он хотел отнести его в детскую, но передумал, решив ввиду сложившихся обстоятельств взять его к себе. Уложив ребенка на середину двуспальной кровати, он снова направился в кухню. От фритюрницы шел дым, и пахло горелым. В следующий миг пары перегретого масла вспыхнули, из фритюрницы взвились языки пламени и начали лизать стену. Напрягая силы, он поднял с пола жену. Она оказалась тяжелее, чем он думал. Оставив позади полыхающий огонь, который, охватив навесные шкафы, продолжал распространяться с большой скоростью, он перенес жену в

спальню и уложил на кровать рядом с мальчиком. Он снял с них обувь, но одежду не тронул. Их руки он сложил на груди, как у покойников. Присев на кровать, он снял шлепанцы и носки, затем стащил с себя и кинул на пол пиджак и лег сам вместе с женой и сыном. Он закрыл глаза и попытался успокоиться. Это ему не удалось. Он хотел было встать и налить себе стакан фруктовой воды с морфином, но решил, что это будет трусостью. Страх перед пламенем представлялся ему заслуженным испытанием. Так же как и боль, когда он будет заживо гореть в полном сознании. Вскоре он закашлял от дыма, который серым ковром расплзлся по полу. Он слышал, как трещит огонь, перебираясь из кухни в

другие помещения. Пожар бушевал, охватывая гостиную. Бежал понизу, пожирая паркет и дотягиваясь до навесного потолка. Должно быть, пламя уже охватило картины на стенах; одна из них, дорогая, принадлежала кисти Хеерупа, а сейчас огонь, наверное, добрался до рояля фирмы «Хорнунг и Мёллер» и превращает его в кучу головешек. Удушливый дым ел ему глаза, хотя он держал их закрытыми, забивался в глотку и не давал дышать. Он сожалел только об одном: что оставил на работе прощальную записку. Но тогда этот поступок казался ему единственно правильным. Потому что так полагается делать, когда ты принял подобное решение. Здесь есть свои правила, подобно тому как

существуют правила поведения за столом или вот сейчас, когда он укладывался сам и укладывал свою семью. Определенные правила регулируют даже то, как обращаться с непослушными горошинами на тарелке. Кому, как не ему, было знать, что все в мире подчиняется системе.

2

Кристиансхавн, август 2014 года

Радиоведущий, представившийся как Тедди К., сообщил, что метеорологи из Датского метеорологического института предупреждают: нынешний день, возможно, окажется самым жарким днем этого лета. Было еще только половина одиннадцатого, но Томас Раунсхольт не сомневался, что метеорологи не ошиблись, хотя пронзительный голосишко Тедди К. звучал совсем не убедительно. В стареньком «ауди» Томаса все стекла были опущены, майка на нем промокла от пота. Тут радиоведущий

объявил рекламную паузу, и Томас автоматически убавил громкость. Он с удовольствием выключил бы приемник, однако, проехдив целую неделю на автомобиле, который ему предоставил заказчик, так и не разобрался, как это делается.

Пропустив вперед два автомобиля, Томас следовал за черным «порше-кайен», лавирующим в потоке машин. У водителя «порше» тоже были опущены все стекла, и из салона гремела музыка в стиле хип-хоп. Когда «порше» свернул на улицу Упландсгаде и, проехав немного, направился к парковке у магазина «Супер-Бест», Томас включил поворотник и свернул туда же.

Просторная парковка была почти пустой, и «порше» проехал к

размеченным местам поближе к входу. Томас заехал в дальний ряд и остановился, развернувшись в сторону «порше». Он поискал глазами видеокамеру, которую сам положил где-то рядом с собой, а теперь не находил.

— А ну-ка, Мёффе, давай подвинься! — сказал он, отодвигая разлегшегося рядом на пассажирском сиденье упитанного английского бульдога. Обнаружив камеру под брюхом у собаки, он просунул туда руку и потянул.

Мёффе обиженно заворчал.

— Нечего ругаться, а то, смотри, оставлю в следующий раз дома! — сказал Томас, откидывая видеоискатель. Камера автоматически включилась и заработала. Томас

приподнял ее ровно настолько, чтобы объектив выглядывал над приборной доской. Камера зажужжала, автоматика настроила фокус. Томас сделал «наезд» на «порше» и нажал на кнопку «съемка». Со стороны пассажирского сиденья из машины вылез лысый толстяк лет сорока пяти в ковбойских шортах и кожаном жилете с надписью на спине; на шее у него был надет ортопедический воротник, не дававший поворачивать голову. Затем открылась дверца водителя, и из нее выскочила крупная женщина плотного сложения с длинными платиновыми волосами, руки и плечи у нее, как и у мужа, были сплошь покрыты татуировкой. В первый момент Томасу показалось, что татуировкой украшено и ее лицо,

но потом он разглядел, что это синяк под глазом. Муж сказал ей что-то громким голосом, но Томас не расслышал слов. В следующую минуту женщина открыла заднюю дверцу и вытащила из машины мальчишку лет десяти, по сложению похожего на родителей. Он играл на планшетнике и был совершенно поглощен этим занятием. Отец сунул мальчишке монетку и ткнул пальцем в сторону навеса, под которым стояли выстроившиеся в ряд тележки для товаров. Мальчишка не торопился выполнять поручение, и жена сама пошла за тележкой, что-то недовольно буркнув. Муж в ответ только пожал плечами и показал рукой на свой воротник. Томас продолжал снимать, как семейство

двигалось в сторону магазина, до тех пор, пока они не скрылись внутри за автоматическими дверями.

— На часах, — сказал Томас, бросив взгляд на встроенные в приборную доску электронные часы, — десять часов тридцать восемь минут. Продолжаю наблюдение за Карстеном Нильсоном с семьей, проследовав за ними до магазина «Супер-Бест» на Амагере. По-прежнему ничто не указывает на то, что объект наблюдения симулирует травму.

Томас выключил камеру и вышел из машины. Мёффе проводил его внимательным взглядом.

— Сиди тут. Возможно, тебе повезет и, когда я вернусь, тебе перепадет что-нибудь вкусное.

Пес фыркнул и снова положил

голову на лапы.

Томас направился к входу, прикрывая видеокамеру перекинутой через локоть курткой. У него не было особых надежд на то, что Карстен в общественном месте совершит глупость, которая докажет, что он собирается мошенническим путем получить со страховой компании компенсацию за травму в размере сорока пяти процентов от страховой суммы, что в денежном выражении составляет без малого два миллиона крон. Страховой полис был подписан за три недели до заявленной автомобильной аварии, единственным свидетелем которой был водитель, виновный в происшествии. Настораживало то обстоятельство, что водитель оказался членом того же

байкерского клуба, что и пострадавший Карстен Нильсон, и пару лет назад тоже получил страховое возмещение при похожих обстоятельствах. Томас работал над этим делом уже больше недели, и если сегодня ему не удастся зафиксировать на видеокамеру что-нибудь разоблачающее Карстена как симулянта, то этот молодчик, заслуживший среди рокерской братвы прозвище Крыса, сорвет желанный куш.

Миновав стеклянную дверь, Томас прошел вглубь супермаркета, где царил приятная прохлада. В зале почти не было посетителей. Томас взял корзинку и для вида кинул в нее две-три пачки первых попавшихся товаров. Возле длинных холодильных

прилавков он догнал семейство Нильсонов с полной тележкой покупок. Томас пошел следом за ними по магазину, держась на несколько шагов позади. Нагруженную тележку толкала перед собой женщина, а Карстен плелся за нею, стуча деревянными подошвами летних сандалий. Лицо у него было распаренное, и он то и дело хватался за воротник, который не давал ему повернуть голову. Каждый раз, когда нужно было посмотреть направо или налево, ему приходилось поворачиваться всем туловищем. Эти движения придавали ему вид робота, исполняющего брейк-данс. Когда они дошли до отдела, где продавались напитки, Карстен ткнул сына в бок и велел ему взять упаковку «слоников».

— Сам возьми, — буркнул мальчишка, не отрываясь от планшетника.

Карстен вырвал у него из рук планшетник и, нагнувшись, приблизился почти вплотную к его лицу:

— А ну сейчас же отдай! Отдай, говорю, эту дрянь! — заорал на сына Карстен, налившись краской.

Покосившись на планшетник и убедившись, что тот находится вне пределов досягаемости, сын шагнул к полкам и протянул руку за упаковкой бутылок из первого ряда. С усилием он вытянул одну.

— Ой, пап, она же тяжеленная!

— Сказано тебе — «слоники»! — рывкнул Карстен и ткнул пальцем в упаковку пива со слонами.

Мальчишка отпустил первую коробку, поплелся, куда было указано, и достал нужную. Мать подхватила с другой стороны, и в четыре руки они уложили упаковку в тележку.

Они отошли от полок, и Томас проводил их глазами. Он уже знал, что Карстен, хотя и не блистает умом и его ай-кью не превышает среднего уровня даже среди рокеров, все же достаточно сообразителен, чтобы не рисковать понапрасну страховой премией. Томасу, в общем-то, было наплевать на убытки страховой компании и даже на бонус, обещанный за разоблачение мошенника адвокатом, на которого Томас сейчас работал, просто он не мог стерпеть, что этот Карстен того и

гляди обведет его вокруг пальца и оставит в дураках. Томас на дух не переносил татуировки и надписи на спине. Он достаточно насмотрелся на таких негодяев, отправляя их за решетку, когда еще служил в специальном отделе полиции. Черта с два он допустит, чтобы эта крыса Карстен, этот наглец, плюющий на все и вся, награждающий жену фингалами, без всякого на то права огребал деньги, — ни шиша он не получит!

Бросив корзинку, Томас поспешил к выходу. На парковке он достал из кармана монету и направился к навесу, под которым в два ряда, штук по десять в каждом, стояли тележки. Оставив куртку с капюшоном и камеру лежать на асфальте, Томас

протиснулся в узкий проход между рядами. Подобравшись к последней тележке, он опустил в щель автомата монетку и высвободил весь ряд. Упершись одной ногой в заднюю стенку навеса и потянув за ручку тележки, которая стояла с краю, он с усилием толкнул их все. Вереница тележек со скрипом сдвинулась с места и медленно поехала. Томас подтолкнул тележки сбоку, и они развернулись, наезжая сзади на «порше».

В этот миг в дверях магазина показалось выходящее из супермаркета семейство. Карстен поторапливал жену, которая везла гору покупок. Томас бросил взгляд в сторону входа: до того момента, когда Карстен вывернет из-за угла и увидит,

чем занимается Томас, оставались буквально считанные секунды. Поднатужившись, Томас изо всех сил пихнул тележки в сторону «порше», так что они перегородили выезд с парковки. Не медля ни секунды, он подхватил видеокамеру и куртку и бросился к своей машине.

— Привет, Мёффе, — сказал он, садясь.

Пес зевнул и перевалился на бок, подставляя живот, но Томасу было не до собаки, он уже слышал громкую ругань Карстена, его голос разносился на всю стоянку. Устроившись на водительском сиденье, Томас включил видеокамеру. Поймав в объектив Карстена, он начал съемку.

Карстен метался взад и вперед, как

разъяренный бык, жена и сын беспомощно наблюдали за ним. Вереница тележек, наткнувшись сзади на «порше», протянулась до навеса. Все выглядело так, словно кто-то из работников магазина хотел их собрать, но его не вовремя оторвали от дела. Тележки загородили подход к машине, поэтому даже если бы Карстен захотел воспользоваться автомобилем как тараном, ему это не удалось бы.

Карстен потребовал, чтобы жена и сын убрали тележки. Они без особого энтузиазма попробовали сдвинуть их, но, несмотря на громкие понукания Карстена, сил им на это не хватило. Карстен быстро огляделся и, увидев, что рядом никого нет, стал тоже толкать одной рукой. Это не помогло.

Тележки не стронулись с места. Жена начала демонстративно посматривать на часы. Сквозь открытое боковое окно Томас услышал отдельные слова — речь шла о том, что ей пора на маникюр. И тут в разгар перебранки сынок вдруг уронил свой планшетник на мостовую. Обнаружив, что экран разбился, он заревел во весь голос. В яростном возбуждении побагровевший Карстен сорвал душивший его воротник.

— Черт бы вас побрал! — гаркнул он и сам взялся за дело.

Продолжая снимать, Томас почесал Мёффе живот. Этот фильм, пожалуй, потянет на «Оскара» или хотя бы на бонус!

3

На экране компьютера замелькали кадры снятого утром фильма. Несмотря на невысокое разрешение и неточную цветопередачу, изображение Карстена Нильсона получилось хорошо узнаваемым. Ортопедический воротник болтался у него на шее, словно детский слюнявчик, в то время, как он бодро ворочал вереницу тележек.

— Прямо-таки чудесное исцеление — полное восстановление двигательного аппарата! — иронически прокомментировал адвокат Ломан, сложив руки на

круглом, как шар, животе, на котором чуть не лопался кардиган.

Семидесятилетний Ломан смотрел видеозапись, сидя за громоздким письменным столом в своем маленьком, прокуренном до желтизны кабинете.

— Да уж. А страховая премия только что стала равна нулю, — подхватил стоящий рядом с его креслом Томас. — Вашему клиенту не на что жаловаться.

— Еще бы! Удачно, что тележки, как по заказу, загородили ему проезд, — сказал Ломан, указав пальцем на экран, где Карстену наконец удалось убрать с дороги помеху. Он отодвинул тележки от своего автомобиля и оставил их поперек выезда со стоянки перед машинами,

стоявшими по другую сторону навеса. Очевидно, его совершенно не заботило, что тележки теперь будут мешать другим.

— Случается порой такое везение, — усмехнулся Томас, потирая левую руку, забинтованную выше запястья.

Взгляд Ломана, оторвавшись от экрана, впервые остановился на повязке.

— Что это у вас с рукой?

— Так, пустяки. Слишком далеко высунул из окна.

— Из окна?

— Скоро пойдут эти кадры, — сказал Томас, кивнув на экран, и, обойдя стол, уселся в потертое кожаное кресло.

Ломан приткнулся к экрану, на котором Карстен, крича на жену и на сына,

возвращался к машине. Он хотел снова надеть на шею воротник, но от возбуждения никак не мог с ним справиться. Наконец ему на помощь пришла жена, и Карстен нехотя позволил ей застегнуть воротник. Тут его взгляд впервые упал на «ауди», в котором сидел Томас с видеокамерой. Рука Карстена вытянулась прямо в сторону объектива.

— Черт! — слышалось восклицание Томаса, произнесенное в самый микрофон.

Судя по заплывавшим кадрам, Томас резко отбросил камеру, и она объективом кверху приземлилась на приборной доске. На видеозаписи было видно, как Карстен устремился к машине. Слышалось звяканье ключей и брань Томаса, заводящего

двигатель. Когда автомобиль наконец тронулся, Карстен схватил одну из деревянных сандалий, в которые был обут, и запустил ею в лобовое стекло, оно пошло сетью трещин. Взвизгнули тормоза, — это Томас попытался дать задний ход.

— Ой, моя... моя машина! — охнул Ломан, не отрываясь от экрана. — Что он себе позволяет!

— Если б я знал, что он так метко бросает, я бы припарковался подальше, — виновато промямлил Томас. — Я, конечно, заплачу за стекло.

Ломан на секунду повернулся к нему:

— А что там было с вашей рукой?

— Смотрите дальше, — сказал Томас, махнув в сторону экрана.

Ломан снова повернулся лицом к экрану. Томас наконец включил заднюю передачу и нажал на газ. Фигура Карстена на экране быстро уменьшалась. Издалека донесся его голос, он кричал:

— Джанго! Да спустите же Джанго, черт возьми!

В следующий момент на экране появился сын Карстена, открывающий заднюю дверцу «порше», из багажного отделения выскочил белый питбуль. Карстен крикнул «фас», указав собаке на Томаса, который в это время давал задний ход. От резкого движения камера развернулась на Томаса, включавшего первую скорость. Томас далеко высунулся из бокового окна, так как сеть трещин на лобовом

стекле не позволяла ничего разглядеть впереди. В тот же миг к открытому боковому окну подлетел питбуль и, подпрыгнув, вцепился зубами Томасу в предплечье. Томас вскрикнул и попытался отдернуть руку, выезжающий со стоянки автомобиль вильнул в сторону. На пассажирском сиденье рядом с Томасом поднялся Мёффе и сипло залаял на бойцовскую собаку. Заметив Мёффе, питбуль отпустил Томаса, чтобы броситься на бульдога, но не удержался в окне и свалился на асфальт. Томас нажал на газ, видеокамера упала с приборной доски на пол. Экран стал черным, но из динамика все еще слышался голос ругающегося Томаса. Ломан выключил компьютер и откинулся на

спинку кресла.

— Вы показались врачу? Это же может грозить столбняком.

— Ничего страшного, — сказал Томас.

— Стоит подать иск о возмещении ущерба. Вы вели съемку в публичном пространстве, на улице, так что все было совершенно законно.

Томас отрицательно мотнул головой:

— Не стоит. Я бы тоже не обрадовался, обнаружив, что кто-то ведет за мной слежку и снимает на камеру. Тем более если бы это грозило потерей двух миллионов.

— Вы все шутите, — сказал Ломан.
— Хорошо, что с вами был Мёффе, без него вы не отцепили бы эту псину.

Томас посмотрел на Мёффе,

который спал у его ног на потертом персидском ковре.

— Да, он все еще молодец, не утратил сторожевых навыков. А за лобовое стекло я, как сказал, заплачу.

Ломан небрежно махнул рукой:

— Это будет записано заказчику в счет производственных расходов. Учитывая, какую сумму мы сэкономили страховой компании, они вполне могут это оплатить. Хотите шерри? — С этими словами Ломан направился к столику, на котором стоял поднос с напитками.

— Нет, спасибо.

Ломан налил себе рюмку:

— Почему не побаловать себя иногда, чтобы скрасить серые будни!

— Как вы думаете, когда можно будет получить гонорар?

— Подойдите к фрекен Маллинг, — сказал Ломан, кивнув в сторону двери, ведущей в маленькую приемную. — Она прямо сейчас выпишет вам чек.

Фрекен Маллинг была секретаршей Ломана и работала в его конторе с первого дня. Ни он, ни она так и не завели семьи, и, глядя на обоих, трудно было понять, какие между ними отношения, ибо вели они себя как давно женатые супруги.

— Спасибо, — кивнул Томас.

Деньги были ему сейчас весьма кстати.

Он уже направился к выходу, но Ломан остановил его жестом:

— Ну что вы как на пожар! Не спешите. Мы еще не все обсудили.

Томас тяжело вздохнул. С тех пор

как Ломан перестал вести судебные дела, а брался только за те, что можно было решить, не выходя из конторы, он скучал по публичным выступлениям и хватался за любую возможность поговорить, так что мог уморить разговорами всякого посетителя. За лето, пока Томас работал на него, проводя разные расследования, Ломан успел уже несколько раз прокрутить весь репертуар историй о выигранных процессах.

— Однажды я вел дело, в котором клиент утверждал, что ограбил банк в состоянии помрачения рассудка...

— Но загвоздка была в том, что, кроме этого банка, он ограбил двадцать восемь других, — закончил за него Томас.

— Неужели я вам это уже рассказывал? — удивился Ломан и пригубил рюмку. Он был явно разочарован тем, что Томас не проявил интереса к беседе. — Да-да, — вздохнул Ломан. — Так на чем мы остановились? — спросил он, усаживаясь в кресло.

— На моем гонораре, — ответил Томас, примирительно улыбнувшись Ломану.

Вообще-то, он ничего не имел против Ломана, но сейчас ему неохота было составлять старику компанию. Он бы и сам с удовольствием выпил, но только не шерри, а пива.

— Нет, о гонораре мы все сказали. Тут речь о новом деле. Вот что нам надо обсудить. Оно не такое кусачее, как это, — сказал он, кивая на

перебинтованную руку Томаса и улыбаясь своей шутке. — Наклевывается хороший заработок. Работы будет по меньшей мере на две недели.

— Нет, спасибо. Меня это не интересует.

— Откуда такая уверенность, если я даже не успел ввести вас в курс дела?

— Потому что я...

— Это работа на большое, солидное датское предприятие, связанное с электроникой. У них начались утечки из банка данных. Я не могу сказать вам, как оно называется, пока вы не дали согласия, но это слово похоже на «биологию», только без «логии», а вместо «и» там «е».

Ломан снова улыбнулся и подмигнул: дескать, вы же меня

поняли.

— Нет, Ломан, мне больше не интересна такая работа. На какое-то время это было очень кстати... то есть я хотел сказать...

— Это что, из-за сопутствующих неприятностей? — спросил Ломан, указывая на повязку.

— Да нет. Поверьте, это пустяки по сравнению с тем, с чем мне приходилось сталкиваться.

— Ну, так в чем дело? Чего вы так испугались? — Судя по тону Ломана, это явно была попытка поймать Томаса на крючок.

Томас улыбнулся:

— Я не испугался. Просто эта работа не по мне.

— Она вроде бы ничем не отличается от того, чем вы

занимались, когда служили в полиции, только с той разницей, что тут за нее платят хорошие деньги.

— Деньги действительно неплохие. Но одно дело — сыск, а другое — подглядывание в замочную скважину. Не хочу я больше совать в это нос.

— Но у вас так хорошо получается. Лучше, чем у всех других сыщиков, которых я нанимал. Когда вас рекомендовал Йонсон, я сперва сомневался. Надеюсь, вы не обидитесь, что я так сказал.

— Нисколько. Я бы и сам не взял товар, который нахваливает Йонсон. Тем более такой, как я.

Ломан приподнял рюмку, словно чокаясь с Томасом.

— Но как бы там ни было, Ломан, я говорю «нет». — Томас встал с

кресла, и одновременно с ним поднялся с ковра Мёффе.

— Все-таки подумайте. Больно уж вы, молодежь, все нетерпеливые!

— Я не так уж молод и подумать успел, — сказал Томас и направился к двери.

— В таком случае я вынужден назвать заказчика, раз вы иначе не понимаете, какой эксклюзивный заказ от вас уплывает.

Ломан повертел рюмку, выдерживая театральную паузу.

— Вы собираетесь отказаться от заказа, который исходит от «В & О».

— Это я и так уже понял, и они прекрасно обойдутся без меня.

Томас попрощался и ушел.

4

Над гулом голосов в кафе «Морская выдра» из старенького музыкального автомата «Вурлитцер» неслась песня «Unchain my heart»¹, исполняемая хриплым голосом Джо Кокера². Стойку бара густо облепила пришедшая потусоваться молодежь; завсегда и постарше, сидя за столиками, пили пиво, большинство посетителей курили, и в воздухе плавали густые облака сизого дыма.

Томас явился в «Морскую выдру» пораньше, и ему удалось найти свободное место в конце стойки. Зато он и выпить успел больше других

посетителей и потому порядком охмелел — сильнее, чем рассчитывал.

Оглядывая стойку, Томас заметил, что двое молодых барменов, которых Йонсон нанял себе в помощь, еле справлялись, — слишком много набилось народу.

— Никак остальные бары сегодня бастуют? Чего это все сюда повалили? — спросил Томас, обернувшись к Йонсону.

Йонсон, едва успевавший мыть бокалы и обслуживать клиентов, поднял на него взгляд: — Шутить изволишь, Ворон?³ Разве ты не знаешь, что нас называют «бурым золотом»? Не читал, что ли, местную газетку? — Отложив полотенце, он взял своей огромной клешней хрупкую кофейную чашечку.

Томас помотал головой:

— Руки не доходят. Мёффе их сразу рвет.

Йонсон опорожнил чашку и налил себе новую.

— В «Кристиансхавнском листке» напечатали целую статью о местных питейных заведениях. Нынче мода на изысканные и укромные.

— Уж «Морская выдра» никогда не славилась изысканностью и модным антуражем.

Йонсон насупился:

— Если бы я угощался в кредит, я постарался бы шутить так, чтобы и другим было смешно.

Томас допил пиво и опустил пустую бутылку перед Йонсоном: — Дай-ка еще одну.

Йонсон достал из ящика новую

бутылку «Хофа» и откупорил.

— Ломан говорит, ты больше не хочешь на него работать?

— Сплетни разносятся быстрее ветра.

— Он сам мне сказал. Заходил тут, играл в бильярд с Викторией.

— Ну и играл бы себе. Чего языком молоть! — Томас глотнул из бутылки.

— Я же не нанимался к нему на постоянную работу. Расследовал несколько дел, вот и все.

— Нехорошо все-таки вот так — взял и ушел.

— А он что, жаловался? — спросил Томас и развел руками. — Я только что, рискуя жизнью, сберег для его клиента два миллиона, — сказал Томас, показывая перевязанную руку.

— Да нет же! Ломан был очень

доволен твоей работой. — Наклонившись могучим торсом над прилавком, Йонсон придвинулся к Томасу. — Дельце-то и для тебя обернулось хорошим заработком. Ломан говорит, ты вроде как не внакладе.

Томас пожал плечами:

— Я согласился поработать в летнее время, а лето вон уже почти прошло.

— У тебя есть другие дела?

Томас отрицательно покачал головой.

— Вот и я об этом. Так почему бы тебе еще у него не поработать, глядишь, наберешься нового опыта.

— Какой там опыт! Разве это работа — заглядывать в замочную скважину! Дай обезьяне видеокамеру, и она бы с ней справилась.

Йонсон пожал плечами:

— Непохоже, что у тебя такая уйма предложений, что можно привередничать.

— У меня все нормально.

Томас никак не мог понять, о ком Йонсон беспокоится — о нем или о Ломане, или это для самого Йонсона дело чести. Ведь познакомил его с Ломаном Йонсон. Томас не знал, какие отношения связывают двух упрямых стариков, ему было известно только, что когда-то в незапамятные времена Ломан оказал Йонсону юридическую и финансовую помощь при покупке «Морской выдры». С тех пор Ломан владел небольшой долей в его предприятии, а среди старожилов Кристиансхавна считалось, что Ломан и Йонсон вроде как побратимы.

Тут к бару протиснулась молоденькая девушка и уселась рядом с Томасом. Широко улыбнувшись Йонсону, чтобы привлечь его внимание, она, выпятив нижнюю губу, подула себе на разгоряченный лоб, так что затрепетала челка. Томас старался не слишком пялиться на ее груди, туго обтянутые белым топилом, но она перехватила его взгляд, прежде чем он успел его отвести.

— Камилла, — представилась девушка, протягивая ему руку.

Томас пожал ее руку, осознав внезапно, как она молода.

— Хочешь, пойдём сыграем в Мейера?⁴

— В Мейера? Спасибо, Карина, но я слишком пьян, чтобы играть.

— Камилла, — поправила она и похлопала его по плечу.

— Прости, но я не рискну.

— Боишься проиграть? — бросила она кокетливо и расплатилась за бутылки пива, которые выставил перед ней Йонсон.

— Нет, боюсь, как бы не наделать глупостей.

Девушка улыбнулась и сгребла в обе руки пять бутылок.

— Ладно, если передумаешь, спускайся к нам.

В следующий миг она исчезла в толпе, но тут же вынырнула у одного из столиков возле музыкального автомата.

— Я же говорил, что бурое золото теперь поднялось в цене. Даже у тебя появились какие-то шансы с

прекрасным полом, — сказал Йонсон.
— Хорошенькая девчушка.

— Хочешь сказать — молоденькая.
Ты и тут пытаешься меня сторговать?

— Нет уж. Тут можешь сам похлопотать, если хочешь. — Йонсон стал протирать новый бокал, не замечая жаждущих посетителей у стойки, которые тщетно старались привлечь его внимание.

— А кстати, ты знаешь Роберта?

Томас покачал головой:

— Это имя мне ничего не говорит.

— Он у меня тут бывает. Роберт.

Старый боксер из «АИК»⁵. Когда-то давно был его спарринг-партнером. Жесткий удар, ничего не скажешь. Во всяком случае, так было в те времена.

— Похоже, старая списанная галоша. Ну, так что этот Роберт?

— Он работает в охране, держит собственное небольшое агентство, там всего несколько сотрудников. Я мог бы спросить, нет ли у него какой-нибудь вакансии. Бывший полицейский вроде тебя там бы вполне пригодился.

Томас поставил на стойку бутылку и недоуменно воззрился на Йонсона: — В охранники? Ты хочешь, чтобы я расхаживал по Амагер-центру при галстукке и с дурацкой нашивкой на рукаве?

— А что в этом плохого? У Роберта бывает и работа сторожа. Ночная работа — это уж точно для тебя, — по крайней мере, не будет повода оскорблять людей.

Томас опустил глаза и покачал головой:

— Слушай, Йонсон, давай договоримся. Ты больше не будешь подыскивать мне работу. Я прекрасно справлюсь с этим без твоего участия.

Сунув руку в карман, Томас достал купюру в пятьсот крон и выложил ее на стол.

— Можешь рассчитаться завтра.

— Нет уж, спасибо.

Йонсон пожал плечами и забрал купюру. Вскоре он принес сдачу.

— Только иди-ка ты домой.

— Об этом мы еще подумаем.

---

¹ «Освободи мое сердце из оков» (англ.).

² *Джо Кокер* (1944–2014) — британский рок-певец.

³ *Вороном* зовут героя друзья, поскольку так с датского языка переводится первая часть его

фамилии — Раунсхольт.

4 *Игра в Мейера* — разновидность игры в кости.

5 «АИК» — любительский спортивный клуб.

5

Ведя Мёффе на поводке, Томас шел через Ратушную площадь в сторону Вестербро. Несмотря на поздний час и середину рабочей недели, на улице былолюдно. Светлая ночь выманила народ погулять: всем, как и Томасу, хотелось, чтобы день продлился подольше. По пути ему попалась толпа туристов, направлявшихся к главному входу «Тиволи». Проходя по улицам Кристиансхавна, он еще оттуда наблюдал полночный фейерверк, устроенный в старинном парке развлечений и осветивший небо над городом вспышками огней и

залпами разноцветных ракет. Прогулка взбудрила Томаса, и хмель прошел, вернее, почти прошел, сгладились неприятные ощущения. Томас уговаривал себя, что этот поход — обычная прогулка на сон грядущий, но в душе понимал, куда его понесло после выпитого пива. В старый центр на Вестербро, туда, где раньше была его работа и где неприступным фортом высилось среди вражеской территории здание Центрального полицейского участка. Туда, где он служил в специальном подразделении, занимая должность заместителя начальника, и где он наизусть знал все дворы и переулки, все подвалы, бордели и наркопритоны. Он знал поименно всех мелких распространителей

наркотиков и всех шлюх — во всяком случае, тех, которым повезло прожить достаточно долго, чтобы примелькаться в уличной толпе. Но в эти места его потянула не ностальгия — это было другое чувство, то, что оставило незаживающую рану в его душе. Его влекло туда старое дело — дело о гибели Евы. То, что всегда жило на дне души и неизменно выходило на поверхность, в особенности когда ему случалось напиться. Так и не раскрытое дело, которое было с ним неразлучно.

Он остановился у подворотни вместе с Мёффе, который, как и его хозяин, спрятался в тени, подальше от яркого света уличных фонарей. Перед ними простиралась пустынная улица Кольбьернсенсгаде. Они простояли

уже полчаса, и за это время на улице не показывалось никого, кроме нескольких африканских проституток и их клиентов. Одна из девушек была сегодня особенно востребованной, так как подобрала на панели уже второго клиента. Томас внимательно вглядывался в заброшенную парикмахерскую в доме напротив. За грязными окнами с пожелтевшими занавесками все время горел свет, иногда к нему прибавлялось мерцание работавшего телевизора. Томас знал, что в этом салоне давно не делают дамских стрижек. Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как в бывшем помещении салона официально расположился этнический культурный центр. Место встреч выходцев из бывших

республик Советского Союза, собиравшихся якобы ради сохранения своего культурного наследия и улучшения социальных условий проживающих в этом районе соответствующих национальных меньшинств. Средства на содержание этого клуба ежегодно выделялись из местного коммунального бюджета, также он получал постоянную дотацию на оплату помещения. В действительности же это заведение с первого дня существования использовалось упомянутыми меньшинствами, и не только ими, в качестве казино. Без малого десять лет назад управление клубом перешло в руки гангстера по имени Андрей Каминский. При нем дела заведения пошли в гору, так как он сумел

привлечь в клуб богатых любителей азартной игры из числа интернационального преступного сообщества. Его завсегдатаями стали опасные личности, обладатели больших, добытых ценою кровавых преступлений денег, которыми они с удовольствием готовы были рискнуть у Каминского. Главным образом потому, что у Каминского хорошо была поставлена служба безопасности и власти не вмешивались в дела клуба, а также потому, что Каминский знал, как обуздать тех, кто не умеет проигрывать, и не допускал буйства. Здесь дело никогда не доходило до кровопролития, зато рекой лился знаменитый борщ, которым Каминский гостеприимно потчевал проигравших, один за другим

выбывавших из игры на проводимых им турнирах. За все про все он взимал два процента от общей суммы поставленных на кон денег.

Дверь на другой стороне улицы отворилась, и из нее вышли двое молодых мужчин славянского типа. Они двинулись по улице, окруженные облаками табачного дыма, из которого вырывались отдельные русские слова. Томас по опыту знал, что это шестерки. Чем громче такие орут и чем наглее выступают, тем ниже они стоят в преступной иерархии. В том, что касалось членов иммигрантских банд, рокеров и восточной мафии, суждение Томаса всегда было безошибочным. Остерегаться следовало других — тех, которые не шумят, а действуют

исподтишка.

Вышедшие посетители оставили дверь приоткрытой, и на тротуар лег луч света. Томасу не было видно, что происходит внутри, сколько там народу и присутствует ли среди собравшихся сам Каминский. Его так и тянуло подойти к двери. Обстановка напомнила былые дни службы в специальном отделе, когда после многодневного наблюдения приходил приказ брать заведение штурмом. На Томаса нашло особое состояние боевого подъема, которое сродни освобождению после долгого ожидания. В эти мгновения ощущаешь себя частью команды, одним из слагаемых той силы, которая, выломав дверь, укладывает бандитов в наручники на пол,

прежде чем они успеют спрятать наркотики. И ты чувствуешь себя королем улицы, глядя на здоровенных парней с наколками, лежащих мордой в пол со скрученными руками, в то время как полиция изымает килограммы наркотиков. Чем их больше, тем длиннее срок, на который негодяи будут изолированы от общества за решеткой. Будь его воля, Томас так же поступил бы и с Каминским. Тем более что Каминский, скорее всего, многое знал про старое дело.

Алкоголь подзадоривал Томаса, ноги сами двинулись в сторону приоткрытой двери. Он вышел из темной подворотни. Но не успел сойти с тротуара на мостовую, как чья-то рука схватила его за плечо,

втянула обратно в подворотню и прижала к стене. Собачий поводок натянулся, и Мёффе зарычал.

— Успокой своего пса, Ворон, пока я не двинул ему сапогом в ребра.

Томас дернул поводок, удерживая Мёффе. Он шикнул на собаку, та недовольно заворчала.

— Какого черта ты тут делаешь? — со злостью спросил Дэннис Мельбю.

— Гуляю. А ты какого?

Мельбю сердито покачал головой:

— Ты помешал работе полиции. Это противозаконно. — Мельбю снова бросил на Томаса сердитый взгляд.

— Я прогуливался в общественном месте, — заявил Томас, быстро смерив его взглядом. Дэннис Мельбю, кажется, еще больше раздался вширь. Накачанный, как раздувшаяся

лягушка! Томас всегда терпеть не мог этого поганца. — Вижу, ты все сидишь на своих витаминах.

— Не твое дело!

— Сбегал бы уж к торговцам наркотиками у церкви Богоматери и купил себе дозу для поддержания формы!

Мельбю одной рукой схватил Томаса за глотку и стал душить: — Ах ты, пьянь забубенная. Всю жизнь таким был, еще тогда, когда служил в полиции.

— Отпусти... пока... не схлопотал.

Мельбю оскалился:

— Мотай отсюда подальше на свой паршивый остров, где живут такие, как ты, уроды и недотепы.

Томас высвободил руку и схватил Мельбю за его причиндалы: —

Говорил же я тебе, отпусти!

Когда Томас стиснул руку, лицо Мельбю искажилось от боли, но тот не ослабил железной хватки, а большим пальцем стал давить Томасу на кадык. У Томаса потемнело в глазах.

— Смотри спущу собаку, передам ей, что держу.

Мельбю оглянулся на Мёффе, тот так и рвался с поводка.

— А ну прекратить сейчас же! — слышалось из глубины подворотни.

Оба противника обернулись навстречу подошедшему.

— Прекратите, черт вас побери! — повторил голос с певучим ютландским акцентом.

Это подошел Миккель.

Оба ослабили хватку, и Томас шумно вдохнул воздух.

— Скверно выглядишь, — сдавленным голосом произнес Томас, повернувшись к бывшему напарнику.

Мешки под глазами Миккеля свидетельствовали о долгих бессонных ночах.

— Что тут у вас происходит? Решили провалить операцию, которую мы готовили больше года?

Дэннис поправил натянувшиеся в паху брюки.

— Я сказал постороннему, чтобы он здесь не задерживался. Он отказался выполнять мое указание.

— Заткнись, Дэннис, и возвращайся в машину, — распорядился Миккель.

Дэннис на прощание бросил взгляд на Томаса:

— Еще увидимся, забулдыга, до скорой встречи!

Томас проводил взглядом Дэнниса, который потрусил прочь.

— Так накачался стероидами, что совсем крыша съехала, — бросил Томас.

— А ты никак не остепенишься?

— Со мной все в порядке. Чего тебе нужно?

— Меня интересует вопрос: что ты тут делаешь?

— Как я уже сказал этому качку, вышел прогуляться.

— Ты стоишь тут больше часа.

— Полчаса. Остановился отдохнуть.

Миккель терпеливо вздохнул:

— Мы вот-вот должны взять Каминского.

— Ты обещал, что будешь держать меня в курсе. Забыл, Миккель?

Миккель прикрыл рукой микрофон

наушника в левом ухе, который позволял ему держать связь с центром.

— Не кричи так. — Миккель заговорил еще тише: — Прослушка, установленная у Каминского, подтвердила наши подозрения, что, кроме азартной игры, он замешан еще и в наркоторговле, торговле людьми и скупке краденого в особо крупных размерах, где счет идет на миллионы.

— Это меня не интересует. Ты обещал мне, что если всплывут новые сведения, касающиеся... дела Евы, то я первым о них узнаю.

Миккель отвел глаза:

— Обещал и сдержу слово. Но пока ничего нового нет. При всем уважении к тебе, должен сказать, что по сравнению со всем остальным, в

чем замешан Каминский, твое дело не самое важное. Мы даже не знаем толком, причастен ли Каминский к смерти Евы.

— Вот и надо спросить его при случае. — Томас хотел было отойти от Миккеля, но тот выставил ладонь и не дал ему пройти.

— Перестань, Ворон. Ты же в стельку пьян. Я обещал помочь и помогу, но на это требуется время. Ты это понимаешь?

Томас опустил голову. Из него словно выкачали остатки энергии, и уже дали о себе знать первые признаки похмелья.

— С тобой все в порядке? Может, надо денег? — спросил Миккель, роясь в карманах.

— Не трудись, — рыкнул на него

Томас. — Добейся только правды от Каминского. Не забывай, ты мне *должен*, — закончил он, тыча в Миккеля пальцем.

Миккель кивнул:

— Ты первым узнаешь, если он расколется.

Томас дернул за поводок, и пес поднялся с асфальта. Пора было возвращаться домой.

— Ворон, — окликнул его Миккель.

Томас обернулся через плечо.

— Послушай доброго совета: постарайся забыть об этом.

— Я не просил у тебя советов.

— И все-таки...

— Ты помнишь, какой завтра день?

Миккель отрицательно качнул головой.

— Третья годовщина убийства Евы.

6

Что угодно, только не входи в гостиную...

Ева отперла замок своим ключом. Она разговаривала по мобильному телефону, придерживая его плечом около уха, и локтем открыла дверь. Руки у нее были заняты: в одной она держала портфель, к тому же через руку было перекинута пальто, в другой — пакет с покупками и букет тюльпанов. Пройдя через коридор, она вошла в кухню.

— Привет, любимый, это я, — сказала она в трубку на автоответчик Томаса. — Я только что пришла

домой и надеюсь, что мы будем вместе ужинать. Во всяком случае, я купила съестного и бутылку вина. Чмок-чмок, дорогой! Береги себя.

Она сложила свою ношу на кухонный стол и, выключив телефон, отложила его в сторону. Затем вернулась в коридор и затворила входную дверь.

Что угодно, только не входи в гостиную...

Ева оглядела себя в большом зеркале на стене. Лоб у нее был влажен от испарины, а темные пятна под мышками на белой блузке свидетельствовали о том, что позади у нее был тяжелый рабочий день.

Расстегнув верхние пуговицы, она вытащила наружу полы заправленной в юбку блузки. Скинув полуботинки, она босиком вернулась на кухню и стала разбирать продукты. Убрав все в холодильник, она плеснула в бокал розового вина и наскоро просмотрела почту. Кроме конвертов с официальными уведомлениями, там была открытка от Лиллиан: подруга приглашала на крестины. Ева улыбнулась, глядя на личико смеющегося младенца, красовавшееся на открытке. Сняв с холодильника один из магнитиков, она поместила на дверцу приглашение рядом с меню от «Эра Ора»⁶, которое сохранила на память со своего дня рождения, и фотографией, запечатлевшей ее и Томаса на борту «Бьянки».

Что угодно, только не входи в гостиную...

Взяв со стола брошенное пальто, Ева отнесла его в спальню и повесила в шкаф. Затем принялась застилать постель. Прежде чем, аккуратно сложив, положить майку Томаса, которую он, а иногда и она надевали на ночь, к нему на подушку, она подержала ее в руках и с наслаждением вдохнула ее запах. Тут Ева зевнула и пошла на кухню допивать вино. Пригубив бокал, она поправила в вазе тюльпаны. Один цветок уже поник, и она выбросила его в мусорное ведро.

Что угодно, только не входи в гостиную...

Взяв вазу, Ева вышла в прихожую. Тут зажужжал оставленный на кухонном столе телефон. Она вернулась. Это было сообщение от Томаса: «Задерживаюсь на работе. Постараюсь не опаздывать. Если что, ужинай без меня».

В ответ она послала ему смайлик с сердечком, положила телефон и пошла в гостиную.

Что угодно, только не входи в гостиную... Ни в коем случае не в гостиную...

*Ни в коем случае не в гостиную...
Ни в коем случае не в гостиную...*

Ева вошла в гостиную, залитую солнцем, которое светило в окно. В комнате было жарко, как в печке. Она обогнула стеклянный столик у дивана и поставила букет на подоконник рядом с низенькими подсвечниками. Некоторое время она переставляла на нем предметы, пока не добилась, чтобы было красиво. Затем растворила окно. Пахнуло прохладой, и Ева постояла, наслаждаясь свежестью бриза и любуясь видом на городской вал с раскачивающимися на ветру деревьями и отблесками солнца на поверхности раскинувшегося за ними озера Магасиндаммен. Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох. За спиной скрипнули половицы, она открыла

глаза и обернулась через плечо.

Что угодно, только...

Подсвечник со всего размаха опустился ей на голову, раздался громкий треск. У Евы подкосились ноги, и, обмякнув, она повалилась на стеклянный столик, стекло треснуло под тяжестью ее тела. Ева, как тряпичная кукла, повисла на лакированном остове стола, а солнечные лучи, отраженные бесчисленными осколками стекла, засверкали еще ярче. Из открытой раны на затылке на пол текла кровь, постепенно образуя лужу. Неподвижный взгляд был устремлен в потолок, а пальцы левой руки

трепетали, словно она играла на несуществующем рояле. В уголке рта проступило несколько пузырьков вместе с вырвавшимся бессознательным вздохом, затем она затихла.

Человек в бейсбольной кепке, одетый в черное, бросил на пол остроугольный подсвечник и оставил его лежать возле Евы. Нагнувшись над телом, он протянул руку в черной обтягивающей перчатке и, приложив два пальца к шее жертвы, проверил пульс. Убедившись, что пульса нет, он снял с ее запястья часы «ролекс» с браслетом «Юбилей» и, спокойно выйдя из гостиной, отправился в кухню. Там он взял со стола ее портфель и, открыв его, вынул

ноутбук и кошелек, положил их в лежащий на столе пустой пакет из-под продуктов. Затем вышел из кухни в прихожую и, направляясь к двери, на секунду задержался перед зеркалом.

Покажи мне лицо... Хотя бы мельком... Хотя бы на секунду... Покажи... Покажи лицо...

Человек надвинул на лоб кепку и вышел.

— Покажись, кто ты такой! — закричал Томас и проснулся от собственного крика. Он подскочил, сел и не сразу понял, что находится у себя на «Бьянке».

— С тобой все в порядке, Томас? — слышался с соседней яхты голос Эдуардо. Его яхта была пришвартована рядом.

Томас повернул голову к открытому люку над койкой.

— Да-да, — отозвался он, глядя на звезды над головой. — Ложись и спи спокойно.

Эдуардо буркнул что-то вроде «спокойной ночи» и «приятных снов».

Томас взглянул на электронные часы, было еще только половина пятого. Значит, он проспал всего час или два. Томас тут же понял, что больше не заснет. Он встал и пошел, захватив с собой одеяло, через каюту мимо спящего Мёффе. Выйдя на палубу, он пододвинул одно из белых

пластиковых кресел к бортовому ограждению и сел. Замерший канал темнел во мраке. Через мост, ведущий на Кристиансхавн-торв, проехал куда-то фургончик ремонтников, и снова все стихло. В этот час все распивочные заведения закрыты, все жители спокойно спят, в этот час ты сам по себе и никто тебе не мешает. Старая шхуна типа «Гранд бэнкс» легонько покачивалась, баюкая своего хозяина. Томас вспоминал сон, который никогда не менялся. Во сне он пытался предостеречь Еву от того, что затем неизбежно случалось. Во сне всплывали детали, которые обнаружились во время полицейского расследования, — все, начиная с тех действий, которые совершала Ева перед смертью, и кончая предметами,

которые унес убийца. Положение трупа и следы нападения он видел своими глазами, когда вернулся с Мёффе домой и нашел ее безжизненное тело.

Иногда во сне ему удавалось мельком увидеть лицо убийцы, но это всегда оказывалось его собственное лицо. Не надо быть психологом, чтобы понять почему. Он и сам догадался, что причиной тому было не отпускавшее его чувство вины. Он не предотвратил убийства и не нашел преступника. Предположительно, это был квартирный вор, которого она на беду застала на месте преступления. Вероятно, он был связан с восточноевропейскими шайками, которые наводнили в то время район, где жили они с Евой, и, скорее всего,

давно уже сбежал за границу. На этих скудных данных основывались их с Миккелем предположения, что Каминскому должны быть известны члены той банды. Сейчас, сидя над замершим каналом, Томас впервые осознал, как слаба эта теория и как долго он цеплялся за надежду, что когда-нибудь раскроет это дело. Словом, сплошные слезы. И они лились у него из глаз, пока он размышлял.

---

⁶ «Эра Ора» — ресторан в Копенгагене.

7

Был солнечный, знойный день, за кирпичной кладбищенской оградой не ощущалось ни малейшего движения воздуха. Над песчаными дорожками дрожало жаркое марево. Издали, со стороны Амагерброгаде, протянувшейся параллельно южной стене кладбища, доносился монотонный шум улицы. Кладбище принадлежало расположенной в Кристиансхавне церкви Христа Спасителя, оно было устроено за городской чертой во время холерной эпидемии. Ева была отличным краеведом и, когда они вместе гуляли,

часто сообщала ему всякие исторические подробности, а он только кивал и поддакивал. Слишком занят был мыслями о работе и о ходе текущих расследований, чтобы прислушаться к ее словам.

Томас наклонился к могиле с черным надгробием и убрал увядший букет и сгоревшую свечку в алюминиевой подставке, оставшиеся с предыдущего посещения. Совесть тотчас же укорила его за то, что это было давно, в рождественские праздники. Он бы и рад был бывать здесь почаще, но не переносил вида кладбища. Оно словно не имело отношения к живой Еве. Могила лишь напоминала ему о том, как это несправедливо, что Ева покоится здесь, тогда как могла бы сейчас,

живая, гулять с ним по Амагерброгаде.

— Ты знал, что это кладбище было основано в связи с большой эпидемией холеры? — раздался сверху голос стоявшей рядом Виктории.

На фоне синего неба седые волосы, точно наэлектризованные, топорщились вокруг ее лица взъерошенной копной.

— Вот как, — сказал он, складывая мусор в приготовленный для этого пластиковый мешок.

Виктория выпустила в воздух облако дыма из неизменной самокрутки с табаком «Петтерё»:

— Да, в тысяча восемьсот пятьдесят третьем году был издан запрет на захоронение в пределах городских

стен. И слава богу.

— Почему — слава богу?

— Потому что иначе моя антикварная лавка не оказалась бы сейчас по соседству с церковью.

Томас кивнул. Антикварная лавка Виктории располагалась в нескольких шагах от церкви Спасителя, в которой в свое время проходило прощание с Евой.

Он посмотрел на Викторию. Она, как всегда, была одета в безупречный костюм из твида и блузку с расстегнутым воротом, словно представительница никому не ведомого круга христианской аристократии.

— Тебе не жарко в этом костюме?

— Это еще не причина, чтобы ходить растрепой.

— Таких, как ты, я больше нигде не встречал.

— Надеюсь, что это так. Терпеть не могу копии. Потому я и любила общаться с Евой.

Томас выпрямился и вытер испачканные руки о джинсы.

— Спасибо, что пошла со мной.

— Не за что. Хотя, вообще-то, у меня от кладбища мурашки по телу. Лучше бы ты развеял ее прах над Эресунном.

— А так можно?

Виктория пожала плечами:

— В любом случае так было бы лучше.

Они молча постояли у могилы. Томас пожалел, что купил анютины глазки, и чуть было не убрал их с надгробия. Зато Виктория принесла

прекрасный букет — простой и скромный, как раз такой, какой понравился бы Еве.

— Сколько же всего мы так и не успели вместе сделать, — невольно вырвалось у него.

— Может, хватит тебе уже казнить?

— Я должен был это предвидеть!

— Нет. Ты должен оставить это позади. Ева сказала бы тебе то же самое.

— Может, лучше убрать эти несчастные цветы. Вид у них просто ужасный, — сказал Томас, махнув на анютины глазки.

— Да. Цветы неудачные, — кивнула Виктория.

Томас нагнулся и забрал с могилы вазочку с анютиными глазками.

— Я серьезно, Виктория. Чувство вины здесь ни при чем, я должен был это предвидеть. Всю сознательную жизнь я проработал в полиции и достаточно насмотрелся на то, какие ужасы творят люди. Я видел насилие, заглядывал в глаза убийцам, встречался с жертвами преступников, знаю статистику. У меня отличная подготовка. Как же я не позаботился поставить квартиру на сигнализацию? Почему так часто оставлял Еву дома одну? Почему не обратил внимания на обстановку у себя в районе, не выследил воровские шайки? Прежде чем грабить квартиру, они же наверняка сперва несколько недель изучали место будущего преступления. Меня учили распознавать признаки такой

деятельности... А я оказался совершенно беспомощным.

— В тебе просто говорит чувство вины.

— Нет, не только. — У Томаса пересохло в горле, и он сделал глотательное движение. — Нужно уметь вовремя почуять зло. Его приближение. Угадать, когда оно нанесет удар. Почему же в решающий момент я точно ослеп? — продолжал Томас, глядя в глаза Виктории. — Как говорится в старинной поговорке — главный фокус дьявола в том, чтобы оставаться незримым.

Виктория оробело огляделась вокруг:

— Слушай, Томас, это не самая приятная тема.

— Это сказано в переносном

смысле.

— Возможно, но как ты посмотришь на то, чтобы поскорей убраться отсюда?

Они двинулись вперед по узкой дорожке между могилами. У ворот, ведущих на Амагерброгаде, работал могильщик. Он разравнивал граблями песчаную дорожку, поднимая вокруг облако мелкой пыли. Виктория закурила сигарету и выпустила уголком рта струю дыма.

— Ты ведь, кажется, знаешь, что я по четвергам играю в карамболь с Ломаном?

— И теперь ты хочешь объяснить мне, как глупо я поступил, отказавшись дальше на него работать?

Она пожала плечами.

— Йонсон мне уже все высказал, так что можешь не тратить на это силы.

— Но ты же так хорошо умеешь...

— Ну да, подглядывать в замочную скважину. Все так говорят, но я не хочу этим заниматься ради того, чтобы та или иная страховая компания сэкономила энную сумму денег или чтобы какой-нибудь неудачливый супруг мог убедиться, что супруга ему изменяет. Уж лучше я пойду в золотари!

— Между прочим, золотари — вымирающая профессия, — иронически бросила Виктория. — Я прекрасно тебя понимаю, но ведь не обязательно заниматься именно этим.

— Ломан предлагал как раз такую

работу.

— Ну так и бог с ним, с Ломаном! Почему ты не хочешь начать свое дело?

— Свое дело? — Томас остановился и посмотрел на нее. — И чем же я займусь? Открою антикварную лавку, как ты, или распивочную, как Йонсон?

Виктория рассмеялась:

— Для этого у тебя нет необходимых социальных навыков, Томас. Не пройдет и недели, как ты распугаешь всех клиентов. Нет, но почему бы тебе не открыть собственную сыскную контору?

— Ты хочешь сказать... — начал Томас и остановился, не в силах произнести вслух это слово. — Стать частным детективом?

— Вот именно.

— И каким же образом?

— Таким, каким все действуют, открывая частное предприятие, — сказала она, разводя руками. — Ты придумываешь название, становишься на учет в Центральном реестре; получив номер, регистрируешь предприятие в налоговой службе, берешь в аренду помещение и начинаешь искать клиентов.

— Спасибо! И откуда же я их возьму?

— Ну почему мне знать. Это не по моей части. Разузнай, как это делают твои конкуренты, помести объявление в Сети или в местных газетах. Когда я бросила учительскую работу и решила открыть антикварную лавку, я

тоже понятия не имела, как это делается, но по ходу дела научилась.

Томас подумал и улыбнулся:

— А ведь не такая уж плохая идея! Вот только... — Он передернул плечами.

— Подумай над этим. А я тебе помогу с оформлением.

Поравнявшись с могильщиком, Томас кинул в его тележку букет анютиных глазок и мешок с мусором.

8

Томас полдня провозился в моторном отсеке «Бьянки». Он вспотел и вытирал лоб, стараясь не касаться его ладонью: руки у него по локоть были в машинном масле и саже после того, как он копался в стареньком «лемановском» двигателе. Последние два или три часа он потратил на то, чтобы прочистить систему охлаждения: начиная с насосов и кончая теплообменником, она вся была забита водорослями и грязью. У него ушло шесть литров керосина на то, чтобы отмыть теплообменник, сейчас бачки и трубки сверкали. Зато

голова раскалывалась от бензиновых паров. Работая в жарком и тесном помещении моторного отсека, он не заметил, как довел себя до обезвоживания, и это еще более усугубляло его состояние. Томас надеялся, что ему удалось устранить причину перегрева и он будет избавлен от перебоев в работе мотора. Закрутив последнюю гайку, он высунулся из люка и стал высматривать Эдуардо. Тот стоял у поручней в шортах и шикарной шляпе и был занят тем, что старался очаровать двух девушек, которые грелись возле причала на солнышке, попивая розовое вино. Девушки хихикали, и было видно, что обаяние брюнета с испанским акцентом не оставило их равнодушными.

— Можно тебя на минутку отвлечь?
Эдуардо волей-неволей обернулся.

— Зайди в каюту и включи мотор,
— попросил Томас, кивая в сторону
двери, за которой находился пульт
управления.

— Прямо сейчас? — спросил
Эдуардо.

— Нет, к первым заморозкам.

Эдуардо бросил на Томаса
недовольный взгляд.

Вместо того чтобы отправиться на
корму и войти в дверь, Эдуардо
только просунул руку в боковое окно
и кое-как дотянулся до ключа
зажигания на пульте.

— Можно включать? — крикнул он
Томасу.

— Давай!

Эдуардо повернул ключ, стартер

щелкнул. Но мотор не завелся.

— Надо, чтобы он сперва разогрелся.

Томас объяснил Эдуардо, что нужно повернуть ключ на пол-оборота, немного подождать и потом повернуть его до упора. Эдуардо, по-видимому, так спешил поскорее вернуться к девушкам, что, выждав всего несколько секунд, сделал следующую попытку. Мотор опять не завелся, и Эдуардо убрал руку: — Жаль, но не вышло.

— Я же сказал — двадцать секунд.

— Да нет же. Ты не говорил сколько.

— Попробуй еще раз.

С глубоким вздохом Эдуардо снова протянул руку, повернул ключ на пол-оборота и стал демонстративно

следить по часам, когда пройдут двадцать секунд.

Тут в кармане у Томаса зажужжал мобильник. Он быстро вытер ветошью руки и достал телефон.

— Томас, хорошо, что я вас застал, — слышался на другом конце голос Ломана.

— Мне сейчас некогда, Ломан.

— Как всегда, подобострастный тон по телефону, — сыронизировал Ломан. — Но я уверен, что, услышав, с каким предложением я к вам, вы наострите уши.

— Если это опять насчет «В&О», то ответ по-прежнему будет «нет». Всего хорошего, Ломан.

— Речь не о «В&О». Тут кое-что поинтереснее. Увлекательнейшее дело по заказу известнейшего

предприятия.

— Очень любезно с вашей стороны, Ломан, что вы обо мне вспомнили, но я больше не заинтересован в такого рода работе.

— Погодите, послушайте сначала, чего они хотят. Давайте встретимся, и я...

В этот миг взревел включившийся мотор, и Эдуардо сделал Томасу знак, подняв большой палец. Томас попытался стабилизировать холостой ход. Вскоре мотор заработал без перебоев. Убедившись, что насос исправно закачивает морскую воду в прозрачный фильтр, он выбрался из моторного отделения. Усевшись на краю открытого люка и упираясь босыми ногами в мотоблок, который вибрировал в такт оборотам, Томас

снова поднес трубку к уху: — Ломан?
Но тот, устав ждать, уже отключился.

— Наконец-то он заработал, — сказал, зайдя на корму, Эдуардо.

— Я же говорил, — отозвался Томас. — А что там твои подружки?

— К ним подошли кавалеры, — кивнул в их сторону Эдуардо. Рядом с девушками появились двое ребят, их ровесники. — *Dios mio!*⁷ Ну на что им, спрашивается, сдались эти желторотики?

— Неужели тебе с годами еще не наскучили эти забавы?

— Не понял вопроса!

Томас только покачал головой. Тут двигатель вдруг сбавил обороты и со вздохом заглох.

— Вот черт! — выругался Томас,

отбросив тряпку, которой только что вытирал руки. — Ну что за дрянь!

— Может, лучше показать специалисту?

— Да смотрел уже специалист, — сказал Томас, бросив на Эдуардо выразительный взгляд. — Они говорят, что чинить тут нечего, овчинка выделки не стоит, и посоветовали заменить на новый.

— Похоже, это неплохая мысль? Ты вспомни, когда ты в последний раз выходил в море на «Бьянке»?

Томас пожал плечами. Он и так помнил: это было за месяц до смерти Евы.

— Механик прав, — сказал Эдуардо. — Видно же, что мотор еле дышит.

— Может, и так, но сейчас у меня

нет на это денег. Еле наскребаю, чтобы заплатить за стоянку.

У Эдуардо появилось озабоченное выражение.

— Никак ты задолжал за стоянку?

Томас встал на ноги:

— Были другие неотложные траты.

— Ворон, *mi amigo!*⁸ С такими делами не шутят! Тебя же вытурят отсюда в два счета, если ты не заплатишь. Курт — злой человек.

Томас улыбнулся. О Курте, смотрителе пристани, всякое можно было сказать, но уж злым он никак не был. Разве что слишком боялся потерять работу с тех пор, как чуть не полвека назад закрылась верфь «Бурмейстер и Вейн», и давал выход своим страхам, срывая дурное настроение на окружающих — таких,

например, как владельцы яхт, не платившие вовремя за стоянку, а также на тех, кто нарушал правила, записанные в просторном портовом регламенте.

— Во всяком случае, Курту будет непросто убрать отсюда «Бьянку» в ее нынешнем состоянии.

— Будешь занимать?

— Лучше смерть.

Было уже далеко за полночь. Заметно захмелевший Томас сидел на стуле у входа в «Морскую выдру», почесывая за ухом Мёффе, который спал у его ног на каменных плитках. Веселье, царившее в «Выдре», выплеснулось на улицу и на берег канала, куда ушла часть гостей, расположившаяся с пивом на

причале. Судя по доносившейся изнутри музыке, музыкальным автоматом сейчас завладели женщины. Крутили Барри Уайта⁹ и нескольких классиков диско, посетители подпевали. Так себе музыка, зато на душе от нее спокойно. Тут на пороге появился Эдуардо с тремя рюмками в каждой руке. Он сел на стул рядом с Томасом и протянул ему половину принесенных рюмок.

— За что пьем?

— За усопших. Испанская традиция. Мы их чтим и любим. Либо пьем за них, либо поминаем дружными аплодисментами. Сегодня мы пьем.

— Ты помнишь эту дату?

— А как же! Ева была замечательной женщиной.

Томас кивнул и понюхал

содержимое. Паршивенький бренди. Видать, Эдуардо каким-то образом уломал Йонсона его закупить. Но мысль о поводе и градус напитка утешили Томаса.

— Ну, как принято говорить, salut!

— Salut!

---

⁷ Боже мой! (*исп.*)

⁸ Друг мой (*исп.*).

⁹ Барри Уайт (1944–2003) — американский певец в стиле ритм-энд-блюз.

9

Томас потянулся, проснувшись под открытым небом на белом пластиковом кресле у себя на «Бьянке». Яркий утренний свет так резал глаза, что Томас сразу полез в нагрудный карман летней рубашки за темными очками. Солнечные лучи, казалось, проникают сквозь закрытые веки в глубину черепа, выжигая остатки мозга. Томас не помнил, как они с Мёффе добрались домой, в котором часу это было и что происходило накануне вечером. Ага! Вспомнил! Вчера они с Эдуардо выпили, поминая Еву. Томас был еле

жив. Он облизнул пересохшие губы и поискал глазами чего-нибудь выпить, но на палубе валялись только пустые бутылки из-под пива да опрокинутая кофейная чашка. У него не было сил встать и сходить в каюту за стаканом воды. Больше всего ему хотелось сейчас снова уснуть и проспать до тех пор, пока не пройдет похмелье и не перестанет трещать голова. Тут к яхте приблизился один из плавающих по каналу экскурсионных катеров. Томас услышал, как на его борту защелкали фотокамерами туристы, между тем голос гида заученно бубнил: «The old shipyard that used to be here but now has been converted into expensive penthouses»¹⁰. Повернувшись в другую сторону, Томас обнаружил на причале неподвижно сидящую

женщину, которая внимательно за ним наблюдала.

— Добрый день, — сказала она.

Женщине было лет тридцать пять, на ней был темно-синий костюм, под ним — майка. Гладко зачесанные назад волосы подчеркивали выразительность резко очерченного лица. Томас обратил внимание на практичную обувь. Будь женщина чуть повыше ростом, он решил бы, что она состоит в отделе личной охраны разведывательной службы полиции. А так она может быть по должности кем угодно, хотя полицейский в ней виден за версту.

— День добрый, — буркнул Томас в ответ.

— Похоже, вчера ты припозднился. Ничего нет хуже при похмелье, как

проснуться на самом солнцепеке. Тебе не кажется, что пора повернуться к солнцу другим боком, а то с одной стороны ты совсем изжарился. — Кивком она указала на его левую щеку.

У Томаса не было сил сказать ей: «Тебе не все равно?» — и уведомить собеседницу о том, что ему уже порядком надоело ее общество.

— У тебя ко мне дело? — спросил он.

Без предупреждения она метнула в него пластиковой бутылкой с водой. Он поймал бутылку, прежде чем та угодила ему по башке, и подумал, что кидается дама не слабо, не хуже гандболистки.

— Благодарствую, — сказал он, отвинчивая крышку.

— Неплохая, а точнее, занятная у тебя яхта. Никак «Гранд бэнкс»?

Он кивнул.

— Классический образец. Но тебе пора заняться палубной обшивкой: красное дерево — а подгнивает. А имя-то у твоей яхты есть? — Она наклонила голову набок, стараясь прочитать название на носу.

— «Бья-а-анка», — сказал он протяжно. — Как же без имени!

Женщина обратила внимательный взгляд на Мёффе:

— Английский бульдог? Как его звать? Он кусается?

— Только чужих. Послушай, если у тебя ко мне никакого дела, то я, как вежливый человек, говорю «спасибо» за воду и кланяюсь, — сказал Томас, помахав ей бутылкой, а про себя с

надеждой подумал, что сейчас услышит ее удаляющиеся шаги. Однако эта надежда не оправдалась.

— Я еще не встречала в жизни ни одного частного детектива, как, впрочем, и человека, который живет на яхте, и пока что не поняла, каково это — очень здорово или очень паршиво. А, Ворон?

Томас обернулся и приподнял солнечные очки. Женщина по-прежнему стояла на том же месте и пристально смотрела ему в глаза. Если она не служит в полиции, то, значит, служила раньше. Теперь он в этом окончательно убедился.

— Уверен, что ты пришла не для того, чтобы поговорить о моей яхте и о моей собаке. Так что же тебе надо?

Она села на край причала и

спрыгнула на полтора метра вниз, чтобы приземлиться на палубе яхты. Мёффе вскочил и залаял, но женщина как ни в чем не бывало двинулась ему навстречу.

— Тихо, тихо, старый ворчун, — сказала она и, достав лакомство, протянула его псу. — Ну что? Дружба?

Мёффе зачавкал, вид у него был довольный. Томас изумленно перевел взгляд с собаки на женщину: — Похоже, ты хорошо подготовилась.

Она, улыбаясь, протянула ему руку.

— Катрина, — представилась она.

Крепкое рукопожатие не удивило Томаса.

— Я работаю на «Месмер ресурсиз», — сообщила она, протягивая ему визитную карточку.

Томас ее не взял.

— Тебя, наверное, прислал адвокат Ломан? — сказал Томас, качая головой. — Сожалею, но я больше на него не работаю, и, кстати, я не частный детектив.

— Ломан сообщил, что ты вроде как на мели. — Она осмотрела палубу и заглянула в каюту, где царил хаос. — Теперь я и сама это вижу.

— Прекрасно. Раз так, то, полагаю, тебе этого достаточно и ты уходишь... Катрина, — сказал Томас, снова надевая солнечные очки.

— А вообще Ломан тебя хвалил. Сказал, что ты *толковый* парень. — Похвала прозвучала так, словно она говорила о ребенке или о собаке, но Томас не поддался на провокацию. — Мой шеф, Фердинанд Месмер, хотел

бы с тобой встретиться. — С этими словами она бросила визитную карточку ему на колени.

Томас мельком глянул: карточка была гладкая, с голубым логотипом наверху.

— Шеф хочет поговорить с тобой с глазу на глаз по поводу важного дела.

— У меня это не вызывает интереса.

— Он хорошо заплатит.

— То же самое предлагал Ломан. Я отказался. Скажи своему шефу, что я не собираюсь заглядывать в замочные скважины.

Томас протянул ей визитную карточку, она не взяла.

— Я знаю тариф Ломана. У нас совсем другой уровень. И могу сказать тебе, что речь идет не о подглядывании в замочную скважину.

Тут дело посерьезнее.

— И о чем же там речь, если в общих чертах?

— Соглашайся на встречу, и Фердинанд Месмер все тебе объяснит.

— Значит, ты пришла только передать сообщение. Как там называется эта конторская должность? Курьер?

Томас понял, что задел ее самолюбие, — это было так приятно, что даже головная боль немного отпустила.

— Скажем, завтра в десять утра. Или для тебя это рановато? Адрес есть на визитке.

В этот момент послышался стук деревянных подошв по мостовой, шаги направлялись к «Бьянке».

Томасу слишком хорошо был знаком этот звук. Вслед за звуком шагов на набережной, как и ожидалось, показался Курт. Несмотря на жару, на нем была штормовка с логотипом фирмы «Бурмейстер и Вейн».

— Здорово, Курт, — сказал Томас, не поворачиваясь в его сторону.

— Ага, — отозвался Курт, явно разочарованный тем, что Томас был не один. — Могу я поговорить с тобой попозже?

Томас вместо ответа сделал широкий приглашающий жест: дескать, конечно, куда я денусь! Курт без лишних слов повернулся и скрылся так же неожиданно, как и появился. Томас тяжело вздохнул: — Так как, ты говоришь, зовут твоего шефа — Фредерик?

— Фердинанд. Фердинанд Месмер.

— О'кей, передай Фердинанду, что я согласен с ним встретиться, но заранее ничего не могу обещать.

— Отлично.

— И за это я желаю получить четыре тысячи восемьсот три кроны.

Катрина удивленно подняла брови:

— За то, чтобы встретиться? Ты берешь деньги за собеседование с работодателем?

— Называй это как хочешь. Но, принимая во внимание все обстоятельства, можешь округлить эту сумму до пяти тысяч.

Она покачала головой и уже хотела забрать у него визитную карточку, которой он помахивал, но передумала.

— Так я могу рассчитывать, что ты

завтра явишься, как условлено?

— Разумеется. Я же профессионал.

Она никак не прокомментировала его ответ, но достала из кармана пачку купюр и стала отсчитывать деньги. Томасу понравился тот стиль, который продемонстрировала эта женщина сначала с водой, потом с собачьим печеньем, а теперь с пачкой денег. Наверняка у нее есть при себе и оружие: дубинка или кастет — словом, что-нибудь в этом роде. Томас даже подумал: зачем я понадобился Фердинанду Месмеру, когда у него есть такая Катрина! Впрочем, что бы там ни было, сейчас он на какое-то время откупится от Курта, и «Бьянка» спокойно останется у своего причала.

---

10 «На месте старой корабельной верфи, находившейся здесь раньше, теперь выстроены дорогие пентхаусы» (*англ.*).

10

Организация «Месмер ресурсиз» располагалась в самом конце улицы Николая Эйгтведа, в последнем корпусе знаменитого конторского комплекса Хеннинга Ларсена¹¹. Комплекс состоял из шести основных зданий из стекла и темной стали, в которых нашли пристанище офшорные предприятия морских перевозок и финансового сектора. Темные фасады высились мрачными монолитами, отражаясь в акватории порта. Томас никогда не числил себя поклонником победителей архитектурных конкурсов и рад был,

что эти бастионы поставлены на окраине и потому почти не испортили вид Кристиансхавна.

Толкнув вращающуюся дверь, он подошел к загородке, за которой сидела дежурная. Молодая особа с ярко-красными губами, накрашенными в тон с ногтями, бросила на него равнодушный взгляд.

— Чем могу помочь? — произнесла она заученную фразу.

Внимательно осмотрев его наряд, состоявший из майки, потрепанных простецких штанов и кроссовок, она остановила взгляд на Мёффе, который стоял высунув язык. Указав на собаку шариковой ручкой, которую вертела в руке, она сказала Томасу: — А это еще что такое! С ним нельзя.

— Но мне назначена встреча с

Фердинандом Месмером.

— Назначена? — переспросила она, даже не заглянув в тетрадь, где были записаны посетители. — С собакой нельзя. Ее можно оставить на улице.

Томас посмотрел на плакетку с именем:

— Будь любезна, Сабина, сообщи Фердинанду Месмеру, что только что заходил Томас Раунсхольт. Счастливо оставаться!

Не дожидаясь ответа, он направился к вращающейся двери. Тут же кто-то из холла громко окликнул его по имени. Оглянувшись, он увидел, что к нему со всех ног мчится Катрина. Подбежав, она спокойно улыбнулась: — Рада видеть тебя, куда это ты поспешил?

— Она нас не пускает, — сказал

Томас, кивая на девушку за барьером.

— Да нет же!

Катрина вернулась с ним к стойке и обратилась к дежурной: — Давай-ка запишем Томаса... и собаку.

Надув губы, девушка кисло улыбнулась и выложила перед Томасом тетрадь для посетителей, указав, в какую графу он должен вписать свое имя, время посещения и поставить подпись.

— Заодно подпиши-ка и вот это, — сказала Катрина и, достав из внутреннего кармана документ, разложила его перед Томасом.

— А это что?

— Подписка о неразглашении. Ты поставишь свою подпись под заявлением о том, что все сказанное в беседе с Месмером является

конфиденциальной информацией, которой ты обещаешь не делиться с третьими лицами.

— Может, Месмеру лучше ограничиться такими темами, которые незачем скрывать от посторонних ушей?

Катрина хотела что-то ответить, но промолчала, увидев, что он подписывает бумагу.

Томас проследовал за Катриной к лифтам, которые находились в другом конце просторного холла. Здесь стояла невыносимая жара, и двери всех комнат были открыты нараспашку. Внутри было полно народу. Все сидели потные, сняв пиджаки, и слушали, что говорил докладчик. Томас подумал, что здесь

читают лекции или проводят конференции. Ему самому в последний раз пришлось сидеть на лекциях, когда он учился в полицейской школе, — от одного воспоминания его передернуло.

— По каким же наукам вы тут читаете лекции?

Они вошли в лифт, и Катрина, сунув в щель карточку личного удостоверения, нажала на кнопку последнего этажа.

— Проводим обучение.

— Чему?

— Стратегии управления. «Месмер ресурсиз» занимает ведущее положение в этой области.

— Похоже, выгодная сфера?

— Оборот прошлого года составил восемьсот миллионов.

Лифт тронулся и доставил их на четвертый этаж. У Томаса не хватило фантазии вообразить, какую задачу собирается поставить перед ним Месмер.

---

¹¹ *Хеннинг Ларсен* (1925–2013) — всемирно известный датский архитектор.

11

Катрина проводила его к кабинету Фердинанда, дверь была открыта. Впустив туда Томаса, Катрина попросила его подождать: шеф уже входит в здание. Оставшись один, Томас огляделся в кабинете. Он был обставлен так же стильно и официально, как все остальные помещения «Месмер ресурсиз». Всюду была расставлена дорогая дизайнерская мебель, глядя на которую ни у кого не возникало сомнений в успешности фирмы. Но здесь не было ни намека на индивидуальные вкусы, за

исключением разве что большой картины, висевшей напротив двери. Томас сразу же узнал этот мрачный мотив с деформированными телами и расположенными вокруг ядовито-желтыми лимонами, но не мог вспомнить фамилию художника или прочесть подпись на полотне. Такого рода живопись нравилась Еве. Однажды она как-то затащила его в «Луизиану»¹², там был выставлен целый ряд подобных произведений. Вероятно, эта картина стоила несколько миллионов. Он повернулся и подошел к панорамному окну, из которого открывался вид на просторный холл. В это время туда хлынули толпы народа, в холле их ждали столики с водой и кофе. Казалось, внизу плещется целое море

беспорядочно перетекающих белых и голубых рубашек.

— Меня тоже всегда завораживает это зрелище, — раздался голос за спиной у Томаса. — Столько энергии, столько жажды знаний, собранных в одном месте! Еще немного — и от накала посыплются искры!

Томас обернулся и посмотрел на Месмера. Тот был почти на голову выше Томаса и довольно плотного сложения. В окладистой бороде проглядывала седина, а золотистый загар подчеркивал избыток жизненной энергии, хотя его обладателю было уже сильно за шестьдесят. Месмер вытер салфеткой покрытый испариной лоб. В темном костюме и черной рубашке он, очевидно, страдал от жары.

— Кошмарный денек! Все кондиционеры отказали, — с улыбкой пожаловался он Томасу. — Сегодня тут присутствует сто пятьдесят человек из «Ново нордиск» и Датского банка, бедняги все уже взмокли от пота, а впереди еще шесть часов занятий. Не хотите присесть? — предложил он Томасу, кивнув в сторону дивана, и сам опустился в кресло напротив. Все это время он пристально наблюдал за Томасом, словно желая составить себе полное представление о том, что он за личность.

— Я очень благодарен вам, что вы согласились прийти. Мой добрый приятель Ломан рассказывал много хорошего о вас и ваших многочисленных талантах.

Томас отвел глаза.

— Из слов Катрины я понял, что вы занимаетесь вопросами управления, — начал он, чтобы перевести разговор на другую тему.

— В Скандинавских странах «Месмер ресурсиз» — самый крупный игрок. В год мы обучаем около десяти тысяч руководителей и научных сотрудников.

— Впечатля...

— При этом у нас самые компетентные специалисты, — перебил его Месмер. — Лояльность клиентов и чувство удовлетворенности, которых мы добиваемся, составляет у нас, как показывают исследования, семьдесят пять процентов. Мы предлагаем совершенно уникальный

набор инструментов руководящей работы и типизации, который по эффективности намного превосходит все, что могут предложить ЛТІ, «Белбин», «Майерс & Бриггс» и DISC.

— О'кей, — сказал Томас, ничегошеньки не поняв из того, что говорил Месмер. — Так какого же типа задачу вы хотели поручить мне?

Месмер улыбнулся:

— Вы сразу берете быка за рога. Это мне нравится. Полагаю, что вы бывший Джи-си, то есть Гамма-Центурион?

— Не могу ответить на ваш вопрос. Понятия не имею, что это такое.

— Нет, было бы, конечно, несправедливо, едва познакомившись, подводить вас под определенную

категорию, но я неплохо считываю людей с первого взгляда. — Месмер прищурился. — Наверное, я не ошибусь, если скажу, что вы человек наблюдательный. Вы методичны, отличаетесь практичностью, стремитесь к справедливости, энергичны и всегда готовы помериться силами с обстоятельствами.

— Вы действительно не ошиблись. Но не кажется ли вам, что эта характеристика подходит в пятидесяти процентах случаев?

— Вдобавок вы скептик, — сказал Месмер, ни к кому не обращаясь, и промокнул лоб бумажной салфеткой. — Кстати, вы когда-нибудь тестировались на личностные особенности?

Последний раз Томасу задавали этот вопрос много лет назад, когда ему предложил пройти тест сайентолог с Вестербро-торв. Томас отказался, предъявив полицейское удостоверение.

— Нет, — сказал Томас.

— Развивать в людях способность к самоанализу — одно из главных направлений нашей работы. Мы пользуемся услугами лучших специалистов-психологов по трудовым отношениям.

— Понятно, — кивнул Томас.

Ему пришлось пройти психологическую проверку вскоре после смерти Евы. Это случилось после дежурства, во время которого Миккель был вынужден силой удерживать его, чтобы он не сорвал

злость на двух квартирных воришках из восточного зарубежья, которых тогда задержали. Последовавший за этим сеанс у полицейского психолога несколько не улучшил его душевного состояния.

— Но я не собирался заниматься этим здесь и сейчас, если я правильно понял, к чему вы клоните.

— Что вы, я совершенно не к тому. Мы просто беседуем. Ломан говорил, что вы служили в полиции в каком-то особом подразделении?

— В Центральном участке. Шесть лет. Я состоял в различных спецподразделениях, в частности занимающихся наркотиками.

— Звучит серьезно... Думаю, это весьма опасно.

— Бывало, конечно.

— Но вы ушли оттуда? Почему? Слишком большое напряжение? Извините, что спрашиваю.

— По причинам личного характера.
— Томас недовольно заерзал. — Скажите, Месмер, какое задание вы хотели мне поручить?

— Потерпите минутку. Сейчас мы до этого дойдем. Я же как-никак заплатил сегодня за ваше время, — улыбнулся Месмер. — Так каково ваше мнение об этой отрасли? — спросил он, поведя руками вокруг, словно пытаясь охватить всю контору.

— Я с ней не знаком, так что не имею никакого.

— Но ведь когда вы служили в полиции, то должны были сталкиваться с такой штукой, как

предпринимаемые начальством попытки ввести более эффективные методы.

Томас пожал плечами:

— Мне они не запомнились, кроме полицейской реформы, из-за которой половина наших кадров металась как угорелая, в то время как другая впала от стресса в оцепенение.

Месмер понимающе закивал:

— Действительно, наш сектор общественных служб в этом отношении всегда хромает и отстает от жизни.

И все-таки каково ваше первое впечатление о моем предприятии? Как оно вам показалось?

— Да какое для вас имеет значение мое мнение? Я же определенно не принадлежу к целевой группе.

— Для меня очень ценно ваше искреннее мнение. Оно для меня тем важнее, что вы не принадлежите к целевой группе, а потому непредвзяты. Не стесняйтесь, я не обидчив.

— О'кей.

Томас огляделся вокруг:

— Мне кажется, вы не жалеете сил для того, чтобы все выглядело эксклюзивно, начиная с приличного адреса конторы до дизайнерской мебели и дорогих картин на стенах. Все это — привлекательный антураж для слушателей ваших курсов. Здесь они усвоят некий набор красивых формулировок, которыми смогут сыпать перед своими подчиненными. Хотя бы для того, чтобы заставить тех еще больше вкалывать, а им самим

иметь возможность оплачивать
выписанные вами счета.

Месмер разразился басовитым
смехом:

— Смею надеяться, что от нашей
работы все-таки больше проку.
Однако должен признать, что вы
неплохо анализируете: схвачено
верно. Хотите знать, как я
анализирую работу учреждения?

— Задавая много вопросов, а затем
отправляя людей на курсы.

— При помощи КОФЕ-теста.

— Еще одна мудреная
аббревиатура?

— Нет-нет! Мудреные словечки тут
ни при чем. Кофейный тест — это
мой способ оценить эффективность
работы предприятия. В нашей стране,
где в год выпивают семь миллиардов

триста миллионов чашек кофе, кофепития служат великолепным показателем социального интеллекта и интерактивного поведения той или иной группы. Поэтому из него у меня сразу вырисовывается кристально ясная картина всей структуры предприятия. Этот простенький тест заключается в том, что при первом посещении я прошу дать мне чашечку кофе. Поскольку восемьдесят пять процентов населения у нас пьет кофе, никого, казалось бы, не должна застать врасплох такая просьба посетителя. Однако, как ни странно, эта простая просьба во многих случаях вызывает форменный переполох в целом отделе. Внезапно все бросают дела, которыми были заняты, чтобы решить этот сложный

вопрос: кому надлежит подать кофе? А если нет готового, то кто должен его заваривать? Вся эта деятельность демонстрирует, какая в данном заведении существует иерархия и есть ли в нем вообще сложившаяся команда. Затем я мысленно отмечаю целый ряд деталей — например, как ведет себя тот сотрудник, который приносит кофе. Иногда приказ передается просто в отдел, и выполнять его одновременно бросаются несколько человек. Или, например, сколько времени пройдет, прежде чем мне принесут кофе. Все эти мелочи демонстрируют эффективность работы отдела. Даже качество кофе служит важным показателем. Если мне подали опивки, оставшиеся в колбе от

прошлого кофепития, это свидетельствует о недостаточно уважительном отношении к клиентам фирмы, а также о разгильдяйстве персонала. На больших предприятиях медицинской отрасли и информационных технологий всегда держат наготове большие термосы — сразу ясно, что там мыслят скорее количественными, чем качественными показателями. В адвокатских конторах и аудиторских подают кофе из сканомата — эффективный, но малоинтересный вариант. Большинство контор, занимающихся маркетингом, и архитектурные фирмы пользуются кофейными таблетками, причем архитекторы всегда начинают извиняться за неэкологичность

алюминиевой упаковки. Поневоле спросишь себя: какого черта они тогда ими пользуются? — Тут Месмер сам засмеялся своему замечанию и откинулся в кресле.

— Интересно, — ответил улыбкой на улыбку Томас. — Но мне вы еще не предложили чашечку кофе.

— Вы не похожи на типичного любителя кофе. Во всяком случае, в рабочее время. — Он прищурился. — Зато с утра вы пьете «Нескафе». Две ложечки кофе, много сахару, и не спеша выпиваете чашку на палубе в обществе Мёффе. — Месмер кинул взгляд на собаку, лежавшую у ног Томаса. — Верно?

Томас перестал улыбаться:

— Какую задачу вы собираетесь мне поручить? Кто-то ворует конторские

принадлежности?

Фердинанд Месмер выбросил размокшую бумажную салфетку и посмотрел на Томаса с серьезным выражением:

— Я хочу, чтобы вы нашли моего сына.

— Вашего сына?

Месмер кивнул.

— Когда ваш сын пропал?

Они были одни, но Месмер быстро огляделся и сказал, понизив голос:

— Некоторое время назад.

— Полиция этим занимается?

— Нет-нет, полиция ни при чем. Речь не о преступлении. Просто мне нужно его разыскать.

— Сколько лет вашему сыну?

— Сколько же ему... сорок семь... сорок восемь лет.

— И вы думаете, что ему грозит опасность?

— Это мне, по понятным причинам, неизвестно, но думаю — нет. Надеюсь, нет.

— Когда точно вы его в последний раз видели?

— Когда... Да, пожалуй, больше десяти лет назад. У нас возникли разногласия, и с тех пор... С тех пор мы не разговаривали. — Фердинанд Месмер опустил глаза.

— Извините, Месмер, но, к сожалению, я не могу вам помочь. Это не по моей части.

Месмер удивленно вскинул брови:

— Но вы же частный детектив?

— Тоже не совсем. Не знаю, что там наговорил Ломан и какое у вас сложилось представление, но я...

— Но вы же отыскали ту девушку, проститутку, которая была похищена. А не так давно вы помогли немецкой полиции разыскать пропавшего бухгалтера.

— Все так, вы хорошо осведомлены.

— Мои охотники за головами умеют добывать информацию. Так почему же вы не можете взяться за это дело? Я гарантирую очень щедрый гонорар, и я буду вам бесконечно благодарен.

— Поскольку вашему сыну, судя по всему, опасность не грозит, я уверен, что найдутся и другие, более опытные люди, которые охотно помогут вам в этом деле. Они есть в вашей же организации.

Месмер с обиженным видом покрутил головой:

— Так, значит, вы не хотите браться

за это дело, потому что для вас оно слишком банальное?

Томас пожал плечами:

— Просто оно не по моей специальности.

— Мне казалось, вы, как никто, знаете, насколько ужасно ощущение неопределенности. Как оно глохнет тебя изнутри, как мучает невозможность найти ответ на вопросы. Особенно если речь идет о самом близком человеке.

Тут Томас со всей ясностью понял, насколько тщательно собиралась о нем информация. Он встал с кресла:

— Беседа была очень интересной. Надеюсь, что вы найдете своего сына.

Месмер тоже встал:

— Прошу вас еще раз все хорошенько обдумать. Для меня это

имеет огромное значение, и найти друга в моем лице совсем неплохо.

Пожимая на прощание руку Месмеру, Томас вдруг почувствовал, какая она грубая и узловатая. Отпустив ее, он не мог не взглянуть, что с ней не так. Рука, судя по виду, была изувечена сильнейшим ожогом. Огонь покалечил ее настолько, что сжег все ткани до костей, так что пальцы срослись вместе, вся поверхность была покрыта толстыми рубцами, и отдельно торчал только большой палец. Томас живо представил себе, какую боль испытывал Месмер, когда это произошло.

---

12 «Луизиана» — музей современного искусства в Дании.

12

Расставшись с Месмером, Томас направился по Вильдерсгаде в сторону Торвегаде. Полуденная жара была на самом пике, но, выйдя на воздух из раскаленной духоты конторского здания, Томас вздохнул с облегчением. Мысленно он пожалел слушателей курсов, которым предстояло просидеть там до вечера. Воспоминания о беседе с Месмером никак не хотели его отпускать. Месмер словно залез ему в душу. Хотя Томас с ним не откровенничал, ему казалось, что Месмер что-то в нем подсмотрел. Что-то вытащил из

него. Такое же чувство возникло у него когда-то во время беседы с полицейским психологом после убийства Евы. В памяти то и дело всплывала тесная комната, интимные вопросы и ощущение неизбежного горя. Он был начеку и сосредоточился на одной задаче — отвечать так, чтобы его признали годным к службе, и это ему удалось. Другое дело, что спустя десять дней он сломался и сам ушел в отпуск по болезни.

Пока он так размышлял, ему становилось все любопытнее, из-за чего произошел разрыв между Фердинандом Месмером и его сыном. И хотя Томас несколько не сожалел о своем отказе, он подумал, что зря не расспросил Месмера поподробнее. И тут в кармане зажужжал телефон.

— Ты уже слышал? — раздался в трубке голос Эдуардо. Он захлебывался от волнения.

— Что слышал?

— Об этом рассказывают по всем СМИ.

— О чем? — спросил Томас, останавливаясь. Он дернул поводок и заставил Мёффе сесть на тротуаре.

— О перестрелке в Копенгагене. Полиция устроила облаву в том самом клубе, где собираются все эти русские.

— Облава у Каминского? Когда?

— Да! Утром, сегодня. Произошла перестрелка между полицией и людьми Каминского. В новостях упоминалась также перестрелка на Истедгаде.

— Есть убитые?

— Пока сообщалось только о восьми или десяти раненых.

— Ты дома или в редакции?

— Дома.

Через пять минут запыхавшийся Томас с Мёффе под мышкой уже перелезал на кеч к Эдуардо. Из открытого люка каюты неслись голоса дикторов. Томас поставил Мёффе на палубу кокпита и спустился по трапу в каюту к Эдуардо, который сидел, уставясь в экран небольшого телевизора. На камбузе хозяйничала белокурая девушка. Эту Томас здесь еще не видел.

— Хочешь чашечку кофе? — спросила она, а в следующую минуту уже кинулась гладить Мёффе.

Томас отрицательно мотнул головой и шагнул к сидевшему на диване Эдуардо: — Они говорили, кто ранен?

Отодвинув пачку книг, Томас сел на диван рядом с Эдуардо.

— Там не только раненые, — отозвался Эдуардо, не отрываясь от экрана. — Сейчас сказали, что по меньшей мере трое убитых, среди них один полицейский.

— Черт! — буркнул Томас и тоже уставился в экран.

В новостной программе дали прямое включение с Кольбьернсенсгаде, на которой было поставлено полицейское ограждение. За ним видны были люди в полном боевом снаряжении с автоматами на груди. Вдалеке просматривался фасад русского клуба с разбитой витриной и

выломанной дверью.

— Ты связывался с редакцией?

Эдуардо кивнул:

— Да. Но им известно только то, что сообщили по каналу ТВ-ньюс.

Томас достал телефон и позвонил на мобильный номер Миккеля, но попал на автоответчик. Томас не стал оставлять сообщения, а набрал его домашний номер. Пришлось подождать. Наконец трубку взял кто-то из его близнецов.

— Извините, ошибся номером, — быстро сказал Томас и нажал отбой.

— Начали выносить людей, — произнес Эдуардо.

Он указал на экран, на котором крупным планом дали картинку дверного проема. Репортер комментировал то, что показывали в

прямом эфире. В дверях появились спасатели с носилками. На экране мелькнуло лицо лежащего на них человека с ортопедическим воротником вокруг шеи.

Томас вскочил с дивана:

— Это же Миккель!

— Ты уверен?

— На девяносто пять процентов. Разве ты не видел?

Эдуардо помотал головой:

— Мне показалось... Толком было не разглядеть.

Появилась следующая пара спасателей с носилками. На этот раз там лежал раненый полицейский в боевом снаряжении.

— Ты можешь присмотреть за Мёффе?

— Разумеется, — согласился

Эдуардо. — А ты куда?

— В Ригет¹³. Я почти уверен, что их отвезут туда.

— Я с тобой.

— Нет уж, если ты собираешься об этом писать.

— Успокойся, amigo. Моя тема — экономические отношения. Ну почему ты никак не запомнишь?

— Потому что ты работаешь в «Информации». Так можно мне оставить у тебя Мёффе? — Он взглянул на собаку. Та лежала, задрав кверху все четыре лапы, а девушка ее гладила.

— Разумеется. Mi casa — casa твоего Мёффе¹⁴.

---

13 *Riget* — разговорное название большой копенгагенской больницы Ригсхоспиталет.

14 Мой дом — дом твоего Мёффе (*исп.*).

13

Подъехав к Ригсхоспиталет, Томас и Эдуардо выскочили из такси. Перед главным входом стояли машины новостных программ телевидения с параболическими антеннами на крышах. Миновав их, они очутились перед толпой журналистов, которых еле сдерживали полицейские. Завидев нескольких коллег, Эдуардо подошел и спросил, не узнали ли они каких-нибудь новостей. Но они то ли не захотели делиться с ним сведениями, то ли действительно не слышали ничего нового. Кого бы он ни спрашивал, все только мотали

головой.

Пока они стояли в толпе репортеров, Томас снова попробовал позвонить Миккелю и снова попал на автоответчик.

— Нет смысла тут толкаться, — сказал Томас и потянул за собой Эдуардо.

— А что ты предлагаешь делать?

Томас понизил голос:

— Посмотрим, нельзя ли проникнуть в больницу через приемную неотложки.

Они пересекли площадку для парковки, обошли вокруг здания и очутились на улице Юлиане-Мариесвай. Отойдя немного от угла, Томас остановился у ограды, откуда был виден подъезд приемного отделения. У входа стояли две машины «скорой

помощи» с открытыми задними дверцами, а сразу за ними — несколько патрульных машин и мотоциклов.

— Думаешь, найдется кто-то знакомый? — спросил Эдуардо, кивая на собравшихся рядом полицейских.

— Вряд ли. И даже если б нашелся, нас туда не пропустят.

— Ты хочешь спросить у них насчет Миккеля?

Томас покачал головой:

— От этого нам не будет большого проку. — Томас прикинул на глаз расстояние до входа в отделение.

— Пожалуй, лучше нам разделиться. Не вернуться ли тебе к главному входу? Может быть, что-то узнаешь и позвонишь мне оттуда.

Эдуардо кивнул:

— Ну а ты?

— А я посмотрю, нельзя ли как-нибудь проникнуть в неотложку.

Проходя по коридору онкологического отделения, Томас миновал пожилого мужчину в кресле-каталке, который смотрел перед собой невидящим взглядом. Когда Томас подошел к выходу, автоматические двери перед ним отворились и навстречу ему вышли две сиделки. Он коротко поздоровался, они улыбнулись в ответ и, не останавливаясь, прошли дальше. Томас терпеть не мог больницы, в особенности тот специфический запах химии, которым было пропитано все вокруг.

По центральному коридору сновали

родственники и больничный персонал. Больше всего эта картина напоминала оживленный терминал аэропорта.

Поглядывая на указатели под потолком, Томас старался найти по ним отделение неотложной помощи. Указатели вывели его к лифтам. Томас знал, что на входе в отделение наверняка дежурят полицейские, и ему нужно было придумать, как туда пробраться. Он решил попытаться раздобыть халат на другом отделении, хотя и сомневался, что где-то безнадзорно валяются лишние халаты. Тут он увидел пожилую женщину азиатской наружности, остановившуюся перед мужским туалетом с тележкой, на которой лежали принадлежности для уборки

помещения. Женщина сняла и положила на тележку халат, оставшись в майке и брюках. Оторвав от рулона пластиковый мешок для мусора, она вошла в туалет. Когда она скрылась за дверью, Томас бросился к тележке и, толкая ее перед собой, направился к лифтам, на ходу надевая белый халат и голубую пластиковую шапочку, которая нашлась в кармане. Спускаясь на лифте в отделение неотложной помощи, он быстро оглядел себя в зеркале. За исключением приколотого к нагрудному карману беджика с именем и фотографией уборщицы, маскировка удалась; Томас перевернул беджик и приколот его обратной стороной наружу. Лифт остановился, и Томас выкатил

тележку в коридор. Перед отделением неотложной помощи спиной к нему стояли двое полицейских, оба были заняты разговором. Томас знал: чтобы пройти мимо них незамеченным, главное — улучшить подходящий момент. Тут как раз открылась дверь лифта, и оттуда вышел санитар, кативший перед собой пустую кровать. Томас поспешил к нему, и когда санитар показал свой пропуск, протиснулся с тележкой, помахав беджиком.

— Уж вы дайте мне поскорее пройти, — попросил он с улыбкой. — У нас тут жуткий аврал.

Полицейские ничего не ответили, но посторонились, прижавшись к стене, давая проход Томасу и санитару с кроватью, и те отправились каждый в

свою сторону.

Томас с тележкой шел по коридору, в котором царил полный хаос. Спасатели и медицинский персонал везли на каталках вновь поступивших раненых, пытаясь найти для них свободную палату. Повсюду видны были пятна крови: на полу, на стенах, и даже потолок был ею забрызган. Из-за дверей неслись стоны. Томасу хотелось заглянуть в палаты, чтобы отыскать Миккеля, но вокруг было слишком много полицейских и медицинских работников. Поэтому он проследовал с тележкой дальше по коридору, на пути ему встретились двое раненых из числа восточных европейцев, они лежали прикованные наручниками к больничным койкам. Дойдя до последней палаты, дверь

которой осталась приоткрытой, он разглядел внутри человека, лежащего под капельницей. Томас осторожно отворил дверь и вошел. Обойдя большую лужу крови, он приблизился к постели. На ней лежал Миккель, у него была перевязана грудь и плечо. Он был бледен, как покойник.

— Миккель, — позвал Томас.

Миккель открыл глаза и повернул лицо к Томасу. Взгляд у него был мутный от морфина. Он встретил Томаса блаженной улыбкой.

— Какого черта ты так вырядился? — спросил Миккель.

— То же самое я мог бы сказать и тебе, — ответил Томас и снял голубую шапочку. — Ты в порядке? — спросил он, переводя взгляд с Миккеля на залитый кровью пол.

— Кровь не моя, — сказал Миккель.
— Бандитская. Не думаю, что тот, кто лежал тут до меня, выкарабкается.

— Куда тебя ранило?

— В грудь слева, под самую ключицу. Две пули, в трех сантиметрах от сердца. Доктор сказал, что мне повезло, хотя пока что я этого не чувствую... Чертовски болит.

— А что Дорте? Она знает?

— Уже едет сюда. Сперва ей только надо было пристроить девчонок... соседка согласилась.

Томас кивнул:

— Я могу что-нибудь для тебя сделать?

— Дай попить.

Томас взял стоявшую на столе бутылку и приставил ко рту Миккеля.

— Что, черт возьми, там

произошло?

Миккель утолил жажду и, собравшись с силами, сказал: — Они отстреливались.

— Это и так понятно! Вас там оказалось слишком мало?

Миккель покачал головой:

— Да нет. Автоматчики, отряд быстрого реагирования и мы. Сначала все шло хорошо. Все бандиты как миленькие лежали на полу, пока... — Миккель махнул рукой, показывая, чтобы Томас дал ему еще попить.

— Пока — что?

Глотнув воды, Миккель продолжал:

— Мы ворвались в заднее помещение, где находился Каминский и несколько крупных игроков. Они провели за игрой всю ночь. Каминский, стоя в сторонке,

продолжал мешать ложкой в кастрюле... Не перестал и тогда, когда мы крикнули, чтобы он лег на пол. А он стоит и мешает. Тут Рене из моей команды подошел, чтобы его уложить.

— Это отступление от правил.

— Ну да. Я же говорю — новичок, не утерпел и схватил Каминского. — Миккель тяжело перевел дыхание. — Тот оказался быстрее. Мы и опомниться не успели, как он вырвал у Рене пистолет. Рене погиб первым. Каминский выстрелил ему под подбородок. Я оцепенел, все оцепенели. Этого-то и хотел Каминский, потому что тут начался сущий ад. На помощь подоспело еще несколько бандитов. Все, кого мы уложили, вскочили и вступили в бой.

Прямо Дикий Запад какой-то. Настоящая бойня. Людей косило выстрелами в упор. Нас. Их... Всюду градом — осколки костей, мозги... — Миккель закрыл глаза.

Томас пожал его руку. Ему не терпелось спросить, жив ли Каминский, но он так и не смог задать этот вопрос плачущему Миккелю. И тут в коридоре раздался топот и крики. Какой-то полицейский звал на помощь. Обернувшись, Томас увидел пробегающих мимо открытой двери полицейских. Среди выкриков слышалась русская ругань. Томас подошел к двери и выглянул в коридор. В конце коридора полицейские пытались справиться с одним человеком, навалившись на него втроем. Тот был весь в крови,

одежда висела на нем ключьями, и, несмотря на превосходство сил противника, он продолжал бороться и вырываться. Кудлатые волосы и окладистая борода окружали его обезумевшее лицо, словно окровавленная грива, он скалился, норовя цапнуть полицейских. Полицейские силились заломить ему руки за спину, чтобы надеть наручники, но, очевидно, тот был так силен, что они не справлялись. Тут подбежал врач со шприцем и вонзил иглу ему в ляжку. Действие было мгновенным, и полицейские защелкнули наручники. Голова человека поникла, он запыхтел, и изо рта у него запузырилась кровавая слюна. Несмотря на припадок безумия, искаживший его черты,

Томас узнал это лицо. Перед ним был Каминский.

14

Дело было под вечер. Перед входом в «Морскую выдру» расположилось несколько посетителей, наслаждаясь последними лучами солнца, которое садилось за каналом. Внутри полупустого помещения возле бара стояли Томас с Викторией и Эдуардо. Эдуардо потянулся к вентилятору, хоть как-то гонявшему воздух в душном помещении, и подвинул его поближе.

— А ну-ка, убери свои загребушие руки! — остановил его Йонсон, ставя вентилятор на прежнее место, где тот обдувал его лицо. — Эта вещь

куплена для персонала.

— Но тут же безумно жарко, — пожаловался Эдуардо.

— Я считал, что латиносы вроде тебя обожают жару.

— Если бы так, я остался бы в Малаге, — возразил Эдуардо, снова усаживаясь на высокий стул, и, обернувшись к Томасу, спросил: — Так что же Миккель? Он поправится?

Томас кивнул:

— Надеюсь. Хотя на службу вернется не скоро.

— Надо сказать, ему повезло. Кроме одного убитого полицейского, у них еще двое тяжелораненых.

Томас кивнул.

— Ну а что с делом Каминского? Ведь, кажется, его ведет Миккель.

— Это так. Но, насколько я знаю

нашу систему, тут выстроится еще целая очередь из желающих потолковать с Каминским. После того как это дело стало громким, все отделы захотят получить свой кусок от этого пирога.

Томас отхлебнул пива из кружки.

— В новостях сообщили, что в клубе найдено сто килограмм гашиша и три килограмма кокаина, не говоря уже о большом количестве краденого товара, который хранился в подсобке, — прибавил Йонсон.

— Думаешь, он что-нибудь скажет?
— спросила Виктория.

— Сомневаюсь. Тем более что он от этого ничего не выиграет.

— Значит, он не пойдет на сделку?

Томас отрицательно покачал головой:

— Во-первых, все указывает на него как на главаря. А во-вторых, никто в прокуратуре не захочет давать поблажки тому, кто убил полицейского. Такого рода поступки не идут на пользу твоей репутации.

Эдуардо взял свое пиво и поднялся из-за стойки:

— Больно уж здесь жарко.

Демонстративно обмахиваясь рукой, он вышел на улицу и встал у раскрытой двери.

Виктория скрутила себе сигаретку и посмотрела на Томаса: — Сыграем в карамболь?

Томас покачал головой.

— А если я дам тебе десять очков форы?

— Что-то нет настроения.

Он заказал еще две порции: себе —

пива и шерри — для Виктории.

Виктория закурила и выпустила густую струю дыма:

— Его посадят до конца жизни. Разве этого недостаточно?

Томас закусил губу:

— Не он убил Еву, это сделал кто-то другой, и убийца все еще гуляет на свободе.

— Но ты же сам сказал, что за всем этим стоит Каминский. Разве это не будет в каком-то смысле восстановлением справедливости?

— Возможно. — Томас тяжело перевел дух. — Во всяком случае, Каминский сейчас вне пределов досягаемости.

— Как насчет новой работенки? — спросил Йонсон, главным образом чтобы разрядить атмосферу. —

Эдуардо говорит, ты ходил на собеседование?

Томас кивнул и посмотрел на Мёффе, который спал внизу, рядом с высокой табуреткой.

— Ну, так о чем была речь? — не отставал Йонсон.

— Не могу сказать, они заставили меня подписать обязательство о неразглашении еще до начала переговоров, — усмехнулся Томас.

— Видать, дело серьезное! — сказал Йонсон.

— Одно скажу — местечко там занятное. Огребают огромные деньжищи за то, что обучают руководителей предприятий. Ну, знаете, сейчас же все помешались на повышении эффективности. В этом духе.

— Господи спаси и помилуй! — воскликнул Йонсон. — Но платят-то хотя бы как следует?

— Заплатили бы, если бы я согласился, но я не стал.

— Чего-чего ты не стал? — Йонсон посмотрел на него тем взглядом бывалого боксера, который способен был сбить спесь с любого противника.

— Ну да... Вообще, я сказал, что должен подумать, — соврал в замешательстве Томас.

— Поди не потребовали же от тебя кого-нибудь убить! А тогда что там еще раздумывать! Ты же всем кругом должен, в долгах как в шелках!

— Ну, не так уж плохи мои дела, — улыбнулся Томас.

Йонсон заглянул в лежавшую перед ним тетрадку:

— Две тысячи триста пятьдесят только за этот месяц, не считая того, что прибавилось сегодня. А за стоянку на причале ты заплатил?

— Конечно заплатил, — сказал Томас, обиженно пожав плечами. — И я же сказал, что подумаю.

Виктория опорожнила свою рюмку:

— Пожалуй, пойду. Мне завтра работать.

Ласково похлопав Томаса по плечу, она попрощалась с присутствующими.

— Глядишь, набрался бы там опыта, узнал бы что-то новое и полезное, — буркнул себе под нос Йонсон.

Ничего не ответив, Томас обвел глазами зал. Кроме одного-единственного посетителя, дремавшего за самым дальним

столиком, да их с Йонсоном, в помещении никого не было. Йонсон взял чашку и, попивая кофе, листал газету.

— По-моему, ты ни разу не предложил мне чашку кофе, — сказал Томас.

— Чего-чего? — Йонсон оторвался от газеты и застыл с чашкой в руке.

— Ну да — чашку кофе! Может, нальешь?

— С пивом что-то не так? — спросил Йонсон, кивая на стоящую на стойке бутылку.

— Все так. Просто я с удовольствием выпил бы кофе.

— Ты же вроде не пьешь кофе?

— Для разнообразия. Говорят, это всегда приятно.

— Ишь чего захотел! Шиш тебе тут

кофе! — ответил Йонсон, отставляя чашку. — Если хочешь, валяй на кухню и вари себе сам.

«Вот тебе и тест Месмера!» — подумал про себя Томас.

15

Без четверти девять новая смена слушателей пила кофе в холле «Месмер ресурсиз» перед лекцией, которую должен был читать сам Месмер. Из своего кабинета он сверху любовался на это зрелище, затем перевел взгляд на Томаса, который сидел за столом напротив:

— Я предлагаю вам пятьдесят тысяч авансом за то, чтобы вы разыскали моего сына.

Томас ничего не ответил, а только следил глазами за Месмером, пока тот усаживался в свое кресло.

— За это я жду скорого результата,

— продолжал Месмер, барабня по столу пальцами здоровой руки. Обожженная и покалеченная рука покоилась рядом как неживая. — Ну, скажем, в течение недели?

Томас кивнул, не выказывая удивления. Перед встречей он прикидывал, сколько предложит Месмер в качестве почасовой оплаты, в своих расчетах он исходил из гонораров, которые платил Ломан, и еще немного накинув. Пятьдесят кусков за неделю работы — это намного превосходило все его расчеты.

— Я, конечно же, постараюсь выполнить поручение как можно быстрее, но заранее ничего не могу обещать.

Он достал из кармана записную

книжку и фирменную рекламную ручку, которую захватил после того, как подписал новую бумагу о неразглашении. Записную книжку он взял с собой из дома, чтобы не сидеть перед Месмером с пустыми руками. Полистав книжечку, он обнаружил, что в последний раз пользовался ею, когда составлял список покупок, отправляясь в «Люнеттенс бодсервис» за запасными частями для «Бьянки». Он переписал туда номера различных фильтров для масла и горючего, которые собирался купить, а вдобавок еще и спасательный жилет для Мёффе, который тому оказался мал, его так ни разу и не надели на собаку. Томас перелистывал страницы, пока не нашел свободную.

— Ваш сын Якоб. Мне нужны о нем

подробные сведения. Чем больше вы их сообщите, тем лучше.

Месмер ничего не отвечал и выжидательно смотрел на Томаса.

— Вы говорили, что вашему сыну около сорока восьми лет. Лучше всего, если вы сообщите мне точную дату его рождения и, если возможно, его CPR-номер¹⁵.

Месмер по-прежнему только молча смотрел на Томаса.

— Если вы назовете мне его последнее место жительства или хотя бы город или приблизительно укажете район, это тоже будет полезно. — Томас улыбнулся Месмеру, но тот не ответил на его улыбку. — Фотография тоже пригодилась бы. У вас, наверное, есть?

Месмер взглянул на наручные часы.

— Хотелось бы также узнать его семейное положение. Неплохо бы составить список контактов: коллег, друзей, даже если он давно с ними не общался.

— Вы человек верующий? — спросил Месмер.

— Верующий? Нет. Пожалуй что, нет. А какое это имеет значение?

— Я тоже — нет. Я всегда относился к религиозным людям несколько скептически. Я считаю религию способом психологической компенсации. Как правило, так компенсируется неуверенность в своих силах.

— Наверное, — дипломатично ответил Томас. — Но давайте вернемся к...